

**«Верное описание
прошедшей турецкой войны»:
Неизвестный стратегический меморандум
генерал-аншефа графа П.И. Панина
и разгаданная тайна авторства
анонимных воспоминаний о войне
России и Турции 1736–1739 гг.**

Воспоминания о русско-турецких войнах XVIII века крайне немногочисленны, в подавляющем большинстве своём давно введены в научный оборот и хорошо известны специалистам-историкам. В наше время каждая новая находка такого рода представляет собой редкое, почти уникальное событие. И это вдвойне справедливо, если речь идёт об истории сравнительно менее изученной русско-турецкой войны 1736–1739 гг. (Аннинской, или Миниховской)¹. Любой вновь представляемый учёному сообществу мемуарный источник или персонифицированный служебный отчёт о тех событиях имеет значительную ценность, как, к примеру, опубликованный в 2018 г. знатком военной истории XVIII века В.И. Егоровым текст «Примечаний капитана Парадиза» о событиях Днестровского похода русской армии генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха в 1738 г.² И всё же в научной литературе сохраняется нехватка мемуаров, отражающих личный опыт участников русско-турецких войн той эпохи, а также восприятие русскими современниками вооружённых сил Османской империи, турок и татар как противников и практического опыта борьбы с ними. Дефицит источников такого рода, тем более не известных прежде, заметен и в новейших российских исследованиях по турецкой армии раннего Нового времени³, и в работах о восприятии русскими Османской империи⁴.

Специалистам может показаться буквально неправдоподобным, что и сейчас может быть обнаружен совершенно не известный мемуарно-аналитический документ, по сути — стратегический меморандум, запечатлевший опыт русско-турецкой войны 1736–1739 гг., причём вышедший из-под пера одного из наиболее выдающихся русских военачальников и государственных людей XVIII века. А также — что эта архивная находка позволит, путём некоторых дополнительных усилий, с неоспоримой точностью установить авторство одних весьма известных мемуаров (вернее — другого фрагмента этого самого, вновь найденного документа), почти 200 лет считавшихся анонимными. И что всё это прольёт свет на содержание и характер дискуссии в высшем руководстве Российской империи по стратегическим вопросам в начале уже следующей войны с Турцией 1768–1774 гг. И, наконец, что благодаря этому мы получим возможность прояснить также не известные ранее детали начала военной карьеры генерал-аншефа, сенатора и разных российских орденов кавалера графа Петра Ивановича Панина (1720–1789)⁵ — участника четырёх войн и десяти кампаний, героя всех генеральных батальев русской армии в Семилетнюю войну, покорителя османской крепости Бендеры и усмирителя Пугачёвского восстания. Но расскажем обо всём по порядку.

В 1836 г., в годовщину столетия начала Миниховской войны с Турцией⁶, в газете «Одесский вестник» (№№ 46–53) была опубликована рукопись под заглавием «Записка о том, сколько я памятую о Крымских и Турецких походах»; тогда же она вышла отдельным оттиском на 33 печатных страницах⁷. Публикатор документа подписался лишь инициалами «С.С.», и 40 лет спустя П.И. Бартенев выскажет абсолютно верное, на наш взгляд, предположение, что за этим псевдонимом скрывался Степан Васильевич Сафонов (1808–1862), в те годы — личный секретарь графа М.С. Воронцова, а впоследствии — видный государственный деятель, тайный советник и сенатор, а также историк и писатель, один из основателей Одесского общества истории и древностей⁸.

В предисловии к своей публикации Сафонов сообщил, что рукопись найдена им в личной библиотеке графа Воронцова. «Сочинитель сей записки был, как видно из самой рукописи, в похо-

де 1736 года Адъютантом Генерал-Майора Бирона, а в походах 1737, 1738 и 1739 годов Адъютантом Генерал-Майора Левендаля. Я не мог узнать имени и фамилии сочинителя ни из самой рукописи, ни из записок Манштейна*, участвовавшего в сих походах», — признавался публикатор⁹. Обнародованный им документ представлял собой в меру лаконичные, но живые и насыщенные фактическими сведениями воспоминания непосредственного участника всех четырёх кампаний той войны. Их автор был в самой гуще описываемых событий, причём по должности находился вблизи высших военачальников русской армии.

Позднее, в 1878 г., уже после смерти С.В. Сафонова и во время очередной русско-турецкой войны, эта же самая «Записка» была вновь перепечатана в «Русском архиве» П.И. Бартенева. Публикация вышла под заглавием «Турецкая война при императрице Анне. Записка неизвестного участника оной, с предисловием С.В. Сафонова»; при этом сам текст исторического документа был в точности воспроизведён по одесскому изданию 1836 г.¹⁰

Русский военный историк, профессор Императорской Николаевской военной академии, Генштаба генерал-лейтенант А.К. Байов (1871–1935) при создании своего фундаментального двухтомного труда по истории войны 1736–1739 гг. использовал самую первую газетную публикацию «Записки о том, сколько я памятую...» наряду с другими немногочисленными мемуарами о событиях тех лет. Он так писал об этом источнике:

«Автор участвовал во всех кампаниях войны 1736–39 гг. и оставил свои заметки обо всех. Заметки эти просто и правдиво, хотя местами с некоторыми неточностями, изображают события войны в большей или меньшей подробности. Однако записки

* Имеются в виду воспоминания Кристофа Германа фон Манштейна (1711–1757), прусского офицера, находившегося на службе в России в 1736–1744 гг. и принимавшего участие в войне с Турцией 1736–1739 гг. См.: [Manstein Christoph Hermann von]. *Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie: depuis l'année MDCCXXVII, jusqu'à MDCCXLIV; avec un Supplément, contenant une idée succincte du Militaire, de la Marine, du Commerce etc. de ce vaste Empire. Ouvrage écrit en François par le général de Manstein, avec la vie de l'auteur par M. Huber. Leipzig, 1771.* Русское издание: Записки о России генерала Манштейна 1727–1744 / перевод с французской подлинной рукописи автора / издано с разрешения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича. СПб., 1875. Записки Манштейна представляют собой ценнейший источник по истории России первой половины XVIII в. и русско-турецкой войны 1736–1739 гг. в частности. — В. К.

не исчерпываются описанием событий, среди которых не встречается полевых сражений этой войны, они дают довольно ярко нарисованную картину состояния армии в описываемых кампаниях и живо представляют бытовую сторону жизни армии в походах. Вместе с тем, автор записок не ограничивается изложением фактической стороны действий войск, — он высказывает о них свои суждения и критикует их. При этом критика его не голословна, а общие заключения, приводимые после изложения событий каждой кампании, показывают, что автор записок понимал обстановку и был не чужд понимания военного дела вообще. «Записка о том, сколько я памятую...» особенно ценна при исследовании Крымского похода 1736 года, Очаковского похода 1737 года и кампаний Миниха в 1739 году»¹¹.

Итак, крупнейший специалист по истории войны 1736–1739 гг. А.К. Байов также не смог установить имени автора «Записки», но отмечал ценность этого источника и «понимание военного дела вообще» его составителем. Познакомившись с личностью автора и обстоятельствами создания «Записки», мы увидим, что Байов ничуть не ошибся, говоря о его профессиональной компетентности.

В наши дни свершившейся «цифровой революции» в библиотечном деле «Записка о том, сколько я памятую...» широко доступна читателям — и в виде отсканированных страниц обоих изданий 1836 и 1878 гг., и в виде их распознанного текста в различных интернет-библиотеках. Можно утверждать, что этот источник известен абсолютно каждому, кто хоть немного интересовался историей Миниховской войны с Турцией. Однако за прошедшие почти 200 лет с момента первой публикации историка не приблизились к установлению личности автора этого документа и до нынешнего момента продолжают характеризовать его как анонимный источник¹². И едва ли можно было предполагать, что спустя столько времени авторство будет, наконец, установлено.

Однако в процессе работы над книгой по истории осады и взятия османской крепости Бендеры войсками русской 2-й армии графа П.И. Панина в 1770 г. автор этих строк обнаружил в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в фонде братьев Н.И. и П.И. Паниных одну рукопись, под загла-

вием, вытесненным на кожаном корешке: «Сведения о прежних турецких и крымских походах». В её состав входит ряд различных документов русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а среди них — и «Записка о том, сколько я памятую...», но совсем не в том виде, какой широко известен по публикации С.В. Сафонова.

Согласно описи данного фонда, архив Паниных обработала в 1937–1938 гг. А.А. Этингф. По всей видимости, именно советская филолог-архивист Амалия Ароновна Этингф (урожденная Мухаринская) первой высказала предположение, что автором документа мог быть граф Пётр Панин¹³. Однако возможное авторство П.И. Панина было указано ею в описи в скобках и с вопросительным знаком, то есть оно осталось в качестве неподтверждённой гипотезы. И в последующие годы в трудах профессиональных историков, в том числе военных, эта версия не получила никакого развития или обоснования¹⁴.

А в самой рукописи из Пашкова дома нет никаких формальных признаков, позволяющих точно установить авторство Петра Панина. Её архивное описание сообщает: «Книга в картонном переплете, потрепанном, с кожаными уголками и кожаным корешком. На корешке вытиснено заглавие книги. На переплете наклеен листок белой бумаги с надписью карандашом: “Дугино. CLXXV. Турция и Крым 1736”».

Усадьба Дугино (ныне село Дугино Сычёвского района Смоленской области) — родовое имение Паниных. В екатерининскую эпоху им сначала владел старший брат граф Никита Иванович (1718–1783), затем его унаследовал граф Пётр Иванович и жил в нём до своей смерти в 1789 г., а потом здесь после своей ранней отставки долгие годы жил сын последнего, бывший вице-канцлер граф Никита Петрович Панин (1770–1837)¹⁵. То есть, не вызывает сомнения, по крайней мере, что найденная в 1830-х годах рукопись из библиотеки Воронцова не была единственным экземпляром «Записки» и что одна из её копий находилась в личном архиве графов Паниных в Дугине. Естественно, само по себе это не даёт никаких указаний на авторство документа.

Хранящийся в фонде Паниных текст «Записки» представляет собой 46 рукописных страниц (считая с оборотами), исписанных чернилами, писарской скорописью XVIII века, почерком чёт-

ким и ясным. Документ имеет такое же заглавие, под каким он опубликован С.В. Сафоновым, — «Записка о том сколько я памятую о крымских и турецких походах». При этом нигде в тексте не обозначено ни имя автора, ни дата написания. Помимо рассматриваемого нами документа, в той же рукописи под порядковым номером CLXXV (т.е. 175) также содержатся: записка о крымских татарах периода войны 1768–1774 гг. (предположительно, известного дипломата-восточника П.П. Веселицкого), анонимное «Рассуждение об настоящей турецкой войне с Российской империей» (предположительно, рукою русского дипломата Я.И. Булгакова), а также — примерные чертежи «ордера де батальи» (боевого расписания) армии, организации тяжёлого обоза, описание и рисунки передвижной рогатки против конницы.

Чем же значима эта архивная находка? Прежде всего, С.В. Сафонов обнаружил в библиотеке графа М.С. Воронцова и опубликовал в 1836 г. неполный текст «Записки о том, сколько я памятую...» (или же намеренно опустил заключительную часть документа). Его публикация завершается абзацем со слов: «Между тем последовал мир и сделал всему конец»; заключительная фраза звучит так: «Сия переправа, которая в трех местах происходила, измучила и повредила у нас много людей» (речь идёт об обратной переправе армии Миниха через Днестр при возвращении из похода в конце 1739 г.)¹⁶. Таким образом, Сафонов опубликовал собственно мемуарную, повествовательную часть записки, непосредственно излагающую события всех четырёх кампаний войны 1736–1739 гг.

Отметим также важную деталь. В то время, когда С.В. Сафонов готовил публикацию «Записки», археография находилась в младенческом состоянии, отсутствовали чёткие правила и критерии издания исторических документов. Поэтому публикатор счёл возможным свободно менять текст, перефразировать отдельные места, опускать некоторые слова и выражения или заменять их синонимами, сохраняя лишь общий смысл каждого конкретного предложения. Таким образом, напечатанный Сафоновым текст является не точным воспроизведением рукописного первоисточника «Записки о том, сколько я памятую...», а, скорее, его весьма близким к оригиналу пересказом.

Что ещё важнее, полный вариант рукописи «Записки», хранящийся в фонде Паниных в ОР РГБ, отнюдь не завершается на приведённой выше фразе об обратной переправе через Днестр. После него следуют ещё 16 рукописных страниц (треть совокупного объёма текста), начинающихся со слов: «Таким образом представил я верное описание прошедшей турецкой войны. Во время оной имел я щастие служить адъютантом при великом человеке, а именно при графе Левендале...»¹⁷. О чем же говорится в этой ранее не опубликованной и не введённой в научный оборот части «Записки», и что именно позволило нам доказать верность догадки А.А. Этингоф об авторстве П.И. Панина? Ответ на последний вопрос непосредственно связан с содержанием данной части документа.

В последней трети «Записки» автор вначале обобщает свои наблюдения о боевых качествах турецких и татарских войск, их психологии и привычках, приёмах ведения войны, достоинствах и недостатках их основных родов оружия, об их крепостях и лагерях, и т.д., и т.п. Сам характер этих выводов доказывает верность предположения А.К. Байова о глубоком понимании автором военного дела.

А в заключении составитель «Записки» переходит к конкретным соображениям о том, как могут действовать силы обеих сторон на начальном этапе новой войны между Российской и Османской империями. Эта часть рукописи начинается со слов: «Положение российских и турецких границ такое, что естли война производима не будет чрез Польшу, и в самой Полше, то она всегда будет вредителна для наступающей стороны, однако еще вредителнее для России, нежели для турков»¹⁸. Далее следует уже в чистом виде стратегический меморандум, излагаемый автором уверенно, стилем и тоном человека, которому не нужно доказывать свою компетентность в военном ремесле. При этом из содержания видно, что это не абстрактный «прожект» кабинетного теоретика, а краткое изложение конкретного плана военных действий за авторством опытного военачальника. Составитель «Записки» убеждённо проводил идею наступательной войны и упреждающих действий на польско-турецкой границе по Днестру с целью захвата стратегической инициативы.

Однако всё до сих пор изложенное само по себе никоим образом не может свидетельствовать об авторстве графа Петра Панина. Утвердительный ответ будет найден, если мы сопоставим текст записки с другим важнейшим источником — опубликованными ещё в XIX веке протоколами Совета при Высочайшем Дворе. Этот высший коллегиальный орган Российской империи был учреждён Екатериной II в ноябре 1768 г.¹⁹, в самом начале войны с Турцией²⁰, и в первые годы своего существования обсуждал преимущественно вопросы руководства военными усилиями государства.

Оба брата Панины — графы Никита Иванович и Пётр Иванович — с самого начала вошли в состав постоянных членов этого Совета. Братья были лидерами одной из влиятельнейших придворных партий, названной по их имени «Панинской»²¹. Старший брат Н.И. Панин был фактическим главой внешнеполитического ведомства Российской империи (иностранцы дипломаты именовали его первым министром), а также, что не менее важно, воспитателем цесаревича великого князя Павла Петровича в звании обер-гофмаршала. Второй же, генерал-аншеф и сенатор П.И. Панин, был начальником Финляндской дивизии, расквартированной вблизи столицы. И хотя к концу 1760-х годов влияние «Панинской партии» при дворе постепенно ослабевало, авторитет обоих братьев в вопросах внешней политики и военной стратегии оставался весьма высок.

Впрочем, в самом начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. генерал-аншеф П.И. Панин, один из опытейших военачальников высшего звена, не получил назначения на командную должность в действующую армию. Главный «наступательный корпус» в Подолии (будущая 1-я армия) был доверен генерал-аншефу князю А.М. Голицыну, меньший по численности «оборонительный, или украинский корпус» (будущая 2-я армия) — генерал-аншефу графу П.А. Румянцеву. Свое решение об этом императрица лично сообщила членам Совета на заседании 6 (17) ноября 1768 г.²². Несомненно, для крайне честолюбивого и обидчивого Петра Панина это стало чувствительным ударом. То, что он не получил командования, могло быть связано со сложной борьбой придворных группировок и кланов, а также и с тем, что Пётр Панин

в течение долгих лет, ещё со сравнительно молодого возраста, страдал от тяжёлой хронической болезни — подагрических болей в разных частях тела, мучительные приступы которых надолго приковывали его к постели.

Впрочем, обойдённый назначением генерал-аншеф Панин явно не был намерен «сдаваться на дискрецию» перед невзгодами. В отличие от своих двух более удачливых соперников по службе — Голицына и Румянцева, он лично участвовал в прошлой Миниховской войне с Турцией. И вообще, среди высших военных деятелей Российской империи личный опыт действий против турок и татар на тот момент был, пожалуй, у одного лишь графа Петра Ивановича, который хорошо видел связанные с этим преимущества. Полученные им в кампаниях 1736–1739 гг. знания и навыки должны были помочь России выработать верную стратегию и тактику в начале новой войны с Турцией, а одновременно с этим — и укрепить авторитет самого Панина как полководца.

На заседании Совета при Высочайшем Дворе 12 (23) ноября 1768 г. рассматривались административные меры, принятые властями Российской империи в прошлую войну с Турцией, и тогда-то граф Пётр Панин высказался, что «еще он признает за нужное, чтоб поручено было сделание исторического описания о действиях в бывшие войны с Турками»²³. При полном отсутствии в то время военно-исторической литературы и иных обобщающих и специальных трудов по данному предмету, руководство России остро нуждалось в такого рода материалах.

А на одном из ближайших вслед за тем заседаний Совета 8 (19) декабря 1768 г., когда речь зашла о конкретных планах действий русских войск в начальный период войны с Турцией, состоялась серьёзная дискуссия с участием Петра Панина. Протокол заседания сообщает:

«Граф П.И. Панин представил, что он думает, ежели Турки останутся в теперешнем положении, то употребить сие время на соединение войск в Польше и когда до 29.000* человек будет, постараться утвердить себя на польско-турецкой границе, заняв нашими войсками укрепленные места, и заводить магазины и

* Довольно странное некруглое число, но так оно дано в опубликованном тексте протокола Совета. — В. К.

когда неприятель увидит, что все укрепленные места нами заняты, то он принужден будет предпринимать атаку противу упомянутых мест, а сие в действо произвести прежде весны он никак не отважится. **Он же, граф Панин, представил для занятия местечка Окуп, лежащего в правую сторону от Каменца, и другого — Шелонок***, лежащего между двумя реками (выделено мной. — *В. К.*), тем войском, которое успеет прежде соединиться с находящимся в Польше корпусом»²⁴.

Далее, судя по тексту протокола, в Совете разгорелась довольно оживлённая полемика между Пётром Паниным и графом З.Г. Чернышевым (1722–1784), вице-президентом военной коллегии, фактическим главой военного ведомства Российской империи²⁵. Суть спора заключалась в том, что Панин настаивал на скорейшем, ещё в течение зимы, занятии русскими войсками польских укреплённых мест у турецкой границы по Днестру, в том числе крепости Каменец-Подольский, не дожидаясь сосредоточения в Польше основных сил армии А.М. Голицына. Чернышёв же возражал, что необходимые для этого войска могут быть собраны не раньше марта следующего 1769 года.

Как всё это связано с текстом «Записки о том, сколько я памятую...»? В её неопубликованной «стратегической» части читаем следующее: «...Почему необходимо нужно, предупредя турков, немедленно занять Каменец-Подольской; **стоящую в разстоянии одной мили оттуда сильную крепость, Окуп называемую** (выделено мной. — *В. К.*), и село Черной Козенец, в котором епископ Каменецкой обыкновенно пребывание свое имеет. Сие последнее место хотя толко село, в трех милях от Каменца стоящее, однако почти со всех сторон окружено рекою с мотрицею**», исключая толко самый малый проход, и можно с небольшим трудом сделать его столь же крепким, как и самой Каменец. Епископ, владеющий сим местом, родной брат конфедерационному маршалу Красинскому. **Окуп стоит в одной миле от Хотина на здешнем берегу Днестра и еще крепче Каменца.** Сии места должно снабдить всеми потребностями к обороне, заводя притом

* К сожалению, пункт с этим или хотя бы похожим названием нам не удалось локализовать ни на одной старой карте того региона. — *В. К.*

** Так в рукописи. Выяснить значение данного слова не удалось. — *В. К.*

в оных магазейны с провиантом и фуражом, для всей армии на будущую кампанию. Я полагаю наперед и, как думаю, не ошибаюсь, что турки ныне и допред будущей весны болшаго числа войска на Днестре иметь не могут, разве толко несколько тысяч белгородских татар, липканцов* из самых последних их военных людей, следовательно находящейся ныне в Полше корпус российской армии один в состоянии был сие исполнить»²⁶. Далее там же автор всячески настаивает на максимально твёрдых мерах в отношении поляков, что, по его мнению, диктовалось военной и политической обстановкой.

И вообще, на основании полного текста «Записки о том, сколько я памятью...» её автор воспринимается не как досужий мемуарист на заслуженном отдыхе, а как авторитетный военный деятель, использующий свой личный опыт для отстаивания в упорной борьбе собственных полководческих идей. О действиях целых армий как в прошлом (в войну 1736–1739 гг.), так и в настоящем (в начале войны 1768–1774 г.) автор записки рассуждает тоном человека, которому не чужд опыт руководства крупными массами войск. К примеру, он уверенно и довольно едко критикует действия фельдмаршала Миниха, в особенности — во время кампании 1739 г., непосредственно перед и во время сражения при Ставучанах.

Сам стиль всей «Записки», и в особенности её неопубликованной «стратегической» части, весьма полемичен и подразумевает использование этого текста в практической дискуссии, с целью разбить аргументы оппонентов и убедить в своей правоте сомневающихся. Автор использует явные риторические приёмы, к примеру:

«Против сего можно бы возразить, что мы не имели права входить в полские границы. На сие иного ответу дать не могу, кроме того, что прошу мне изъяснить, по какому праву мы после 1739^м году предприяли поход свой чрез Полшу»²⁷; «Положив

* Липканцы (липкане, липки), также известны как литовские татары, белорусские татары, и др., — субэтническая группа татар, переселившихся в конце XIV в. во владение Великого княжества Литовского. Позднее часть их мигрировала во владения Османской Порты на среднем течении Днестра, в район Хотинской райи. Выставлявшиеся ими воинские контингенты играли роль легкой вспомогательной конницы в турецкой армии. — В. К.

наперед, что должно быть наступательной войне, спрашивается, как оную с наилучшим успехом производить можно? Признаюсь, что предпринимая ответственность на сей вопрос, я далеко отваживаюсь, однако не думаю я, чтоб то было преступление открыть свои мысли и предать оные на рассмотрение знатнейшим и прозорливейшим особам»²⁸; «Ответствовав на возражение, которому в самом деле никогда быть не чаю, возвращаюсь опять на прежнее и уповаю, что мы побьем турков и возьмем Хотин. Что тогда далее предпринимать должно?»²⁹, и т.п.

Из текста последней части «Записки» видно и конкретное время её составления: автор говорит о войне с Турцией как о неизбежной и неотвратимой, фактически — уже начавшейся, однако об операциях русской армии он высказывается только в будущем времени. Автор называет конкретные сроки — январь, февраль, «будущая весна»; рассуждает о возможном взаимодействии главных сил и войск графа П.А. Румянцева.

Примечательно, что в конце 1768 г. основные группировки вооружённых сил России на театрах начавшейся войны с Турцией ещё не получили устоявшихся позже официальных наименований армий с порядковыми номерами 1-я и 2-я. В документах они обыкновенно назывались «корпусами»: «наступательный» — у князя А.М. Голицына в Польше, «оборонительный» — у графа П.А. Румянцева на Украине. Слова «Записки» об «обсервационном корпусе Румянцева» точно указывают именно на этот весьма непродолжительный отрезок времени (ноябрь-декабрь 1768 г.). Между прочим, о П.А. Румянцеве (ещё одном зачатом сослуживце-сопернике П.И. Панина) автор «Записки» говорит спокойно, без торжественно-официозного наименования его регалий, званий и должностей, словом — как о равном себе (к примеру: «Тут корпус генерала Румянцева расположением своим подаст паки великую помощь»).

Итак, в «Записке» речь шла о конкретных прогнозах и планах на начальный период предстоявшей кампании 1769 г. Что самое главное, мы видим полное смысловое созвучие содержания этой части «Записки» и выступления Петра Панина на заседании Совета 8 декабря 1768 г. В обоих случаях подчёркивается необходимость упреждающих решительных действий русских войск

на польско-турецкой границе и занятия ряда опорных пунктов на среднем течении Днестра на хотинском направлении — в особенности, крепости Каменец-Подольский и укрепления Окуп, ещё зимой 1769 г., до открытия весенне-летней кампании. Это позволило бы с самого начала войны перехватить у турок инициативу, быстро овладеть Хотинем и затем в ходе первой же полевой кампании очистить от турецких сил всё пространство к северу от Дуная.

Обстановка в приднестровской Подолии на рубеже 1768–1769 гг. была сложной и неопределённой³⁰. В условиях фактически шедшей в Речи Посполитой гражданской войны польские коменданты и гарнизоны крепостей и укреплений близ Днестра оставались внешне лояльны королю Станиславу Августу, союзнику России, однако не доверяли русским войскам и не подпускали их близко. В гарнизоне Каменца многие сочувствовали Барской конфедерации, и в 1768 г. там даже был раскрыт заговор её сторонников³¹. Конфедератские отряды бродили в окрестностях крепости, и в мае 1768 г. атаковали её предместье. Русское командование имело все основания опасаться, что мятежники — сами или совместно с турками и татарами — смогут захватить некоторые укрепленные пункты у Днестра или воспользоваться их запасами.

«Местечко Окуп», которому придавали особое значение и Пётр Панин на Совете, и автор «Записки» (в обоих источниках его название даётся в одинаковом написании), — это современное село Окопы Борщёвского района Тернопольской области Украины, расположенное на левом (северном) берегу Днестра у места впадения в него реки Збруч. В 1692–1693 гг. великий гетман коронный Станислав Ян Яблоновский возвёл здесь для защиты от татар небольшой каменный замок под названием Окопы Святой Троицы (польск. *Okopy Świętej Trójcy*). Эта фортеция, расположенная на малодоступной скалистой высоте между каньонов двух рек, находилась в 20 км к юго-западу от Каменца-Подольского и всего в 6 км по прямой от турецкой крепости Хотин, лежавшей на противоположном берегу Днестра.

А «село Черной Козенец», также упомянутое в «Записке», — это современное село Чернокозинцы (укр. Чорнокозинці, польск.

Czarnokozińce), в Каменец-Подольском районе Хмельницкой области, на берегу Збруча, в 22 км к западу от Каменца. С середины XV в. это местечко принадлежало каменецкому римско-католическому епископу, здесь находился каменный замок, неоднократно разрушавшийся татарами и турками (его живописные руины сохранились и поныне). Далее в «Записке» упоминались и другие пункты на Днестре: «Если бы после вверх по Днестру удастся захватить места Бузовцы*, принадлежащее Потоцкой фамилии, Яславицы**, принадлежащее королю, также Грудец*** и Студенцы**** ниже Хотина, то можно туркам в переходе через Днестр сделать превеликое затруднение»³². Таким образом, автор «Записки» имел ясное и компетентное представление о военной географии того региона, даже если его познания о состоянии тамошних укреплений несколько устарели³³.

В декабре 1768 г. Окопы и Жванец на Днестре, оставленные коронными войсками, были заняты барскими конфедератами, которые в то время активно готовились содействовать набегу орды хана Крым-Гирея на российскую Елисаветградскую провинцию. Ко дню заседания Совета при Высочайшем Дворе 8 декабря известия о захвате этих крепостей мятежниками едва ли успели достичь графа Панина. Но само развитие событий показывало, что его мысли были совершенно не напрасно обращены на военное значение этих укреплений на Днестре.

Подробно говоря об оборонительных свойствах и стратегической ценности данных пунктов, составитель «Записки» явно опирался на собственное знание той местности, полученное им в последнюю турецкую войну, 30-тью годами раньше. Как видно

* Предположительно, имеется в виду совр. поселок городского типа Большеовцы (укр. *Більшівці*, польск. *Bołszowce*); на австрийской военной карте Ф. фон Мига 1779–1783 гг. — *Bulsowiec*, в 150 км к северо-западу от Каменца-Подольского. — В. К.

** Совр. село Язловец (укр. *Язловець*, польск. *Jazłowiec*) Бучачского района Тернопольской области Украины, у впадения р. Ольховец в р. Стрыпа (левый приток Днестра), в 90 км к западу от Каменца-Подольского. Здесь находился каменный замок, который в XVII в. неоднократно осаждали украинские казаки, турки и поляки. — В. К.

*** Данный пункт на карте локализовать не удалось. — В. К.

**** Бывшее село Студеница (укр. *Студениця*) у места впадения в Днестр речки Студеницы, примерно в 27 км к юго-востоку от Каменца-Подольского. В XVII в. здесь находился каменный замок, который неоднократно захватывали турки. В 1684 г. при Студенице состоялась сражение, в котором польско-казацкое войско было разбито каменецкими турками и татарами. В 1981 г. с. Студеница было затоплено при создании Днестровского водохранилища. — В. К.

из текста «Записки», в 1739 г. её автор оставался адъютантом графа У.Ф.В. Лёвендаля, который в ту кампанию одновременно командовал и дивизией войск, и всей полевой артиллерией русской армии, и вообще был правой рукой генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха.

Вместе с главными силами русской армии автор «Записки» в июле 1739 г. участвовал в обходном маневре с переправой через Днестр у села Синьковцы (совр. Синьков) в 40 км выше Хотинской крепости по течению, а затем в марше к ней уже по правому берегу реки³⁴. Позднее, после окончания военных действий, генерал Лёвендаль находился во взятом Хотине вплоть до декабря 1739 г., занимаясь передачей крепости турецкому комиссару и руководя обратной переправой русского гарнизона³⁵. Так что неудивительно, что его молодой адъютант имел и время, и возможность хорошо изучить с военной точки зрения местность по обоим берегам Днестра, включая небольшие фортеции польской Подолии.

Итак, на основании всего изложенного, и более всего — на тождественности тезиса о занятии укрепления Окуп и других пунктов на Днестре близ Каменца-Подольского, мы можем утверждать уверенно, что текст «Записки о том, сколько я памятую...» был составлен графом П.И. Паниным во исполнение его собственного предложения об обобщении военно-исторического опыта прежней войны с Турцией. «Записка» была подготовлена либо непосредственно к заседанию Совета при Высочайшем Дворе 8 декабря 1768 г., либо сразу по его итогам, как закрепление озвученной Паниным позиции.

На том самом заседании Совет принял по вопросу о Каменце-Подольском компромиссно-неопределённое решение: «Всевозможные иметь старания о занятии оной крепости, как скоро войска в силах будут то учинить, и притом иметь попечение о скорейшем собрании войска»³⁶. В итоге эта крепость так и оставалась под контролем гарнизона польских коронных войск. В ходе кампании 1769 г. образ действий её коменданта Яна де Витте (1709–1785) вызывал сильные подозрения русской стороны, и только после решительной победы над турками под Хотинском в сентябре позиция каменецких поляков стала подчеркнута дружелюбной по отношению к русским войскам³⁷.

На чьей стороне была правда в споре Панина и Чернышёва на Совете и насколько осуществим был амбициозный план графа Петра Ивановича — эти вопросы потребовали бы отдельного обширного исследования с изрядной долей гадательности и допущений. Впрочем, предложения Панина не пропали совсем втуне. 26 февраля 1769 г. немногочисленный detaшмент русских войск генерал-майора И.М. Измайлова, разделившись на две части, одновременно штурмовал и взял укрепленные местечки Окопы и Жванец на Днестре, занятые барскими конфедератами. Несмотря на труднодоступное положение обеих фортеций, неорганизованные отряды поляков не сумели оказать серьезного сопротивления. Завладев Окопами и Жванцем, русские войска уничтожили тамошние магазины и сбросили трофейные пушки в реку, так как вывезти их не было возможности³⁸. Таким образом, конфедераты были выбиты из обоих местечек, но и русские войска не стали закрепляться.

Вопреки опасениям Панина, в кампанию 1769 г. турки так и не смогли энергично продвинуться за Днестр в польскую Подолию, на соединение с силами Барской конфедерации. На заседании Совета при Высочайшем Дворе 10 августа 1769 г. П.И. Панин вновь вернулся к проблеме Каменца и настаивал, что овладение этой крепостью было необходимо России для сохранения влияния на польские власти³⁹. А затем, в сентябре, уже под занавес кампании того года, в результате поражений великого визиря на Днестре под Хотинном произошли быстрый распад и беспорядочное отступление главных сил османской армии из Дунайских княжеств. Воспользовавшись этим, русские войска сразу же, за считанные недели и практически без сопротивления, заняли почти всю Молдавию и часть Валахии вплоть до столичного Бухареста. Это скорее подтверждало верность стратегических рассуждений Панина о возможности быстрой и решительной победы над турками к северу от Дуная в 1769 г. при условии эффективной обороны на среднем течении Днестра в начале кампании. Военный авторитет Панина в глазах руководства Российской империи неизменно оставался высок. Когда в августе 1769 г., ещё до развязки тяжёлой летней кампании, высшее руководство приняло решение заменить командующего 1-й армией А.М. Голицына на П.А. Румянцева, то

и для П.И. Панина, наконец, наступил черёд получить высокое назначение. Ему был вверен освободившийся пост командующего 2-й армией на Украине⁴⁰, во главе которой в следующем, 1770 году графу Петру Ивановичу предстояло совершить выдающийся поход, осаду и штурм османской твердыни на нижнем Днестре — крепости Бендеры.

Итак, мы установили со всей возможной точностью авторство, время и обстоятельства написания «Записки о том, сколько я памятую...». Что же нового может это дать для жизнеописания графа Петра Ивановича Панина?

Период русско-турецкой войны 1736–1739 гг. до сих пор был зияющим «белым пятном» в истории жизни и службы этого выдающегося военного и государственного деятеля Российской империи. В дореволюционных работах о П.И. Панине из одного текста в другой кочевал полуанекдотический рассказ о том, как совсем юный, 16-летний Панин, служивший в лейб-гвардии Измайловском полку, попал на русско-турецкую войну 1736–1739 гг. Его первый биограф Д.Н. Бантыш-Каменский (1788–1850) писал: «Стоя однажды на часах во Дворце, он отдал честь ружьем Императрице Анне Иоанновне, и в то самое время показалось на лице его судорожное движение, которое Государыня приняла за умышленное кривляние. Едва избег он Сибири; но отправлен в армию против Крымцев»⁴¹. Позднее другой дореволюционный историк и генеалог П.Н. Петров (1827–1891) передал этот же эпизод сходными словами: «Стоя на часах во дворце, как солдат гвардии, в 1735 году, Петр Панин, делая честь ружьем проходившей мимо государыне, почувствовал позыв на зевоту, но успел пересилить себя. Тем не менее, судорожное движение челюстей было замечено императрицей, отнесшею это действие часового к намерению сделать гримасу, и за эту небывалую вину несчастный юноша послан солдатом в армию, готовящуюся к походу в Крым»⁴².

У обоих историков не называется источник этих сведений; Д.Н. Бантыш-Каменский говорит лишь, что при написании своей биографической статьи использовал «Журнал и подлинные бумаги Графа П.И. Панина»⁴³. Проверить достоверность данного эпизода по служебным документам едва ли возможно; поэтому приходится предположить, что он может восходить к семейным

преданиям потомков Панина. Дореволюционные военные историки П.А. Гейсман и А.Н. Дубовской, авторы единственного серьёзного биографического труда о П.И. Панине, повторили историю о его ссылке на турецкую войну и напрямую сделали из этого вывод, что «военная карьера Панина началась при условиях весьма для него неблагоприятных»⁴⁴. Это полностью вписывалось в их концепцию начала службы Панина в эпоху «немецкого засилья» при дворе и в армии, когда происходили «чуждые русским войскам реформы или точнее ненужные искажения графа Миниха»⁴⁵.

Однако никаких подробностей о службе и боевом пути Панина во время войны 1736–1739 гг. его биографам известно не было — ни в каком чине и в какой части он служил, ни в каких походах и делах принимал участие. В формулярном списке Панина, который использовали Гейсман и Дубовской, этих сведений просто нет. Поэтому историки упоминали лишь вскользь, что он сумел благополучно перенести все тяготы турецкой войны и вернуться в свой Измайловский полк, вместе с которым в 1742 г. отправился уже на новую войну — против Швеции.

Теперь же, при установленном авторстве «Записки о том, сколько я памятую...», обстоятельства первых лет военной службы Петра Панин предстают перед нами совсем в ином свете. Вероятно, предание о его проступке перед императрицей Анной Иоанновной и о последовавшем наказании не могло возникнуть совсем на пустом месте, и какая-то провинность была им допущена. Но если даже она и повлекла распоряжение об отправке 16-летнего Панина в действующую армию, на войну с турками и татарами, то, конечно, он, сын генерала и сенатора, находившийся в родстве со знатнейшими фамилиями Российской империи, имел возможность избежать тягот солдатчины и участия в степных походах в рядах одного из армейских полков. Мы можем лишь догадываться, какие рычаги и пружины были задействованы покровителями Панина, но в итоге вместо жестокого наказания он, напротив, получил ценную для своей дальнейшей карьеры возможность. Кроме того, примечательно обстоятельство, что его отец Иван Васильевич Панин скончался 11 мая 1736 г., как раз перед началом первой кампании турецкой войны, в которой

принял участие Пётр Панин. Но, вероятно, мы никогда не узнаем точно, имелась ли какая-то связь между проступком молодого Панина, наказанием и смягчением его, отбытием его самого на войну и смертью его отца. Как бы то ни было, тогда, в начале войны 1736–1739 гг., Пётр Панин получил ценный шанс в самом юном возрасте принять участие в военных действиях в качестве приближённого лица, адъютанта и фактически ученика высших военачальников действующей армии. Согласно петровскому «Уставу воинскому», на адъютантские должности должны были назначаться «умные, трудолюбивые и храбрые молодые люди», и там же подчеркивалось, что «молодому человеку нигде так военному обыкновению обучиться, как в сем чину»⁴⁶. Адъютант генерал-майора мог состоять в чине армейского прапорщика, так что 16-летний Панин при переводе из гвардии вполне мог получить эту должность.

Помимо прочего, в письме к брату Никите Ивановичу от 16 июня 1770 г., Петр Панин, говоря о трудности и опасности путешествия одиночных лиц к армии по пустынной степи, упоминал, как он сам 16-летним юношей (то есть в 1736 г.) в подобной ситуации «почтою верхами ездил»⁴⁷; и это также не очень сочетается с версией о его ссылке на войну рядовым солдатом. В кампанию 1736 г. Пётр Панин был адъютантом генерал-майора Карла фон Бирона (1684–1746), старшего брата всесильного в то время фаворита императрицы Эрнста Иоганна фон Бирона⁴⁸, а в 1737–1739 гг. — адъютантом генерала У.Ф.В. Лёвендаля, которого сам он называет в «Записке» «великим человеком».

Подробная биография этого военачальника на русском ещё не написана, и здесь расскажем о нём лишь кратко. Ульрих Фридрих Вольдемар барон (граф с 1741 г.) фон Лёвендаль (*Ulrich Friedrich Woldemar von Löwendal*, 1700–1755) был отпрыском знатного датско-норвежского рода. Он родился в Гамбурге, в 13 лет рядовым солдатом поступил на военную службу к императору Священной Римской империи Карлу VI Габсбургу, в рядах имперских войск принимал участие в военных действиях в Польше и уже в 1714 г. получил чин капитана. Затем Лёвендаль на короткое время поступил добровольцем в военный флот Дании, после чего в 1716 г. вернулся в цесарскую армию и под командованием

принца Евгения Савойского воевал с турками. Позднее он служил королю польскому и курфюрсту саксонскому Августу II Сильному, командовал саксонскими войсками на Рейне во время войны за Польское наследство в 1734–1735 гг., а затем перешёл на русскую службу, как раз в начале войны с Турцией⁴⁹. В 1737 г. Лёвендаль участвовал в осаде и штурме Очакова, где был ранен в руку; в походе 1738 г. командовал всей артиллерией Днепровской армии⁵⁰, а затем её арьергардом во время трудного отступления, был ближайшим сподвижником фельдмаршала Б.Х. Миниха в кампанию 1739 г. После того Лёвендаль в 1740–1743 гг. занимал должность генерал-губернатора Эстляндии и тогда же участвовал в русско-шведской войне 1741–1743 гг. Вскоре после восшествия на престол Елизаветы Петровны Лёвендаль был вынужден покинуть русскую службу и поступил в армию короля Франции Людовика XV. Современник писал: «Граф Владимир Левендаль знатного происхождения, находившийся в российской службе полным генералом, г. губернатор в Ревеле и кавалер св. Александра Невского, был человек умный, просвещенный, храбрый и искусный на поле сражения. Одаренный красноречием, Левендаль хорошо говорил почти на всех известных языках; превосходно знал и положение дворов и состояние войск европейских»⁵¹.

Затем граф Лёвендаль принял участие в войне за Австрийское наследство и под началом своего друга детства графа Морица Саксонского, великого полководца того поколения, сыграл важную роль в блестящей кампании французской армии по завоеванию Австрийских Нидерландов. Венцом полководческой карьеры Лёвендаля стали осада и взятие штурмом 5 (16) сентября 1747 г. сильнейшей голландской крепости Берген-оп-Зоом (голл. *Bergen op Zoom*) в Северном Брабанте, творения выдающегося военного инженера Менно ван Кугорна. К борьбе за эту крепость в то время были прикованы взоры всей Европы, и за взятие Бергена Лёвендаль был удостоен маршальского жезла. Он умер в Париже в 1755 г. от последствий старой раны.

Граф Лёвендаль представлял собой классический для XVIII века тип космополитичного аристократа-кондотьера, авантюриста и настоящего «пса войны», в особенности он пользовался репутацией мастера борьбы против неприятельских крепостей⁵².

В его свите совсем юный Пётр Панин получил начальную и бесценную школу полководческого ремесла. А впоследствии, после завершения самой важной военной кампании в своей жизни — осады и взятия Бендер в 1770 г. — он с гордостью сравнивал этот штурм со взятием Бергена-оп-Зоом и говорил, что он превзошёл ту победу Лёвендаля⁵³. Кроме того, как видно из текста «Записки», во время событий войны 1736–1739 гг. Панин неоднократно находился вблизи самого главнокомандующего генерал-фельдмаршала Миниха и наблюдал его в разных ситуациях.

Теперь мы знаем, что не кто иной, как молодой П.И. Панин, прошёл весь тот походный и боевой путь, который описан в «Записке о том, сколько я помню...», — взятие Перекопа и вторжение в Крым в 1736 г., драматический и кровавый, но счастливый штурм Очакова в 1737 г., катастрофический для русской армии поход 1738 г. на Днестр через татарские степи и обратное отступление и, наконец, завершающая кампания 1739 г. — победа под Ставучанами и взятие Хотина. Находясь в самой гуще этих событий, Панин преодолевал все трудности жизни на войне и одновременно молодым умом и сердцем впитывал, словно губка, огромную массу профессиональных впечатлений и наблюдений.

Разве мог 18-летний юноша Панин во время неудачного Днестровского похода Миниха летом 1738 г. помыслить, что 32 года спустя ему самому, уже зрелому и израненному в боях генерал-аншефу, придётся по тем же самым местам, по пустынным степям между Южным Бугом и Днестром (хоть и несколько иным маршрутом) вести русскую армию в её походе на Бендеры в 1770 г.? И обширный корпус документов этой последней кампании свидетельствует, что весь свой опыт участия в борьбе против турецко-татарских сил в условиях безлюдного степного театра военных действий Панин с полным успехом применил уже в бытность свою главнокомандующим.

Ещё в первой, «мемуарной» части «Записки» после рассказа о тяжёлом походе в Крым 1736 г. Панин чётко формулирует практические выводы об организации движения войск в безлюдных причерноморских степях (начиная со слов «Генерално нахожу я...») — о количестве и составе обоза, о запасе провианта и маркитантах, об обеспечении войск вином и сбитнем, а также о кон-

кретных шагах по покорению Крыма в несколько этапов. В других местах «Записки» он неоднократно подчеркивает значение использования рогаток против татарской и турецкой конницы⁵⁴, говорит о нецелесообразности миниховской системы движения армии единым огромным каре с обозом внутри него. Так что «Записка» содержит не просто мемуарные зарисовки из прошлого на удивление потомкам, а остроактуальные советы для практического использования и сбережения жизней русских солдат.

А фрагмент «Записки» о штурме Очакова в 1737 г. содержит общие выводы Панина об особенностях устройства и защиты османских крепостей. И изучение опыта осады Паниным Бендер в 1770 г. показывает, что он долго и всерьёз надеялся повторить успешный опыт Миниха под Очаковом — усиленной бомбардировкой вызвать в крепости сильный пожар и, возможно, взрыв пороховых погребов. С другой стороны, в конце 1768 г. Панин не имел точных сведений о Бендерской крепости (близ которой он на тот момент не бывал) и потому писал так: «Город Бендеры яко худо укрепленное место, [...] долго держатся не может, но чрез несколько дней принужден будет сдаться». Панин имел в виду, что поражение турецкой полевой армии может привести к падению духа и быстрой сдаче их крепостей к северу от Дуная. Так было с Хотинем в 1739 и 1769 гг. Однако в случае Бендер это предположение оказалось бесконечно далеко от действительности, и узнать это на личном опыте Панину предстояло во время трудной шестинедельной осады и кровопролитного штурма в ночь на 16 сентября 1770 г.

Раздел «Записки» с описанием турецких войск и их действий также представляет большой интерес. На момент создания этого документа существовал острый дефицит доступных актуальных сведений о состоянии вооружённых сил Османской империи. В 1737 г. вышло русское издание знаменитого труда по этой теме итальянского учёного и военного деятеля Луиджи Фердинандо Марсильи (1658–1730)⁵⁵. При неоспоримой ценности его книги и для современников, и для позднейших исследователей, данные Марсильи отразили состояние османской военной мощи в последние десятилетия XVII в. и уже достаточно устарели ко времени Миниховской войны, не говоря уже о 1768–1774 гг.

Разумеется, несколько страниц рукописи Панина по широте охвата не могли сравниться с фундаментальной работой Марсильи. Однако «Записка о том, сколько я памятую...», не претендуя на всеохватность, содержала в сжатом и концентрированном виде личные наблюдения и выводы Петра Панина о тех особенностях турецких и татарских войск, с которыми могла столкнуться русская армия и которые должны были оказать влияние на ход новой войны. И хотя в этом разделе «Записки», как и у Марсильи и других европейцев той эпохи, лейтмотивом является ослабление и упадок вооружённой мощи дома Османов, у Панина как профессионального военного нет и признаков недооценки или пренебрежительного отношения к турецкой армии как к противнику. Более чем красноречивы его слова: «Не может никакой народ храбрее и военнее быть турков»⁵⁶. И также примечательно, что автор «Записки» всерьёз относился к информации о тактическом развитии и усовершенствовании турецкой артиллерии и считал это потенциальной угрозой.

И этот раздел, и вся «Записка» ценны для нас именно тем, что они запечатлели живой опыт военного человека, прошедшего кампании 1736–1739 гг., а позднее, 30 лет спустя, с успехом применившего этот опыт в следующей войне с Турцией, которая стала эпохальным, поворотным моментом в истории военного противостояния Российской и Османской империй. Многие из этих наблюдений и мыслей Панина были позже отражены в составленном им перед началом похода 1770 г. наставлении «На предводительство в наступательныя действия противу войска турецкаго» — ценном памятнике русской военной тактической мысли, незаслуженно полузабытом и находящемся в тени «Обряда службы» П.А. Румянцева, составленного перед той же самой кампанией⁵⁷.

Теперь мы можем утверждать, что публикатор первой части «Записки» С.В. Сафонов ошибался, когда говорил: «Это памятная записка человека, не писавшего для потомства, не имевшего в виду занять место между современными историками, но желавшего сохранить на бумаге память о совершенных им походах и, вероятно, на закате своей жизни рассказывавшего в тиши кабинета деяния давно минувших лет»⁵⁸. В действительности

автором документа был 48-летний боевой и крайне честолюбивый генерал-аншеф, один из могущественных военных деятелей Российской империи с огромным личным и клановым влиянием в высшем руководстве государства. На тот момент его военная карьера была ещё далека от завершения, и «Записка» писалась им не столько для потомства, сколько для осведомления членов Совета при Высочайшем Дворе и для разработки эффективной стратегии и тактики русской армии в новой войне против Турции.

По нашему глубокому убеждению, «Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах» заслуживает полной академической публикации, максимально точно воспроизводящей текст первоисточника по хранящейся в ОР РГБ рукописи. В представляемую далее публикацию входят обе части «Записки» — и ранее известная по публикациям С.В. Сафонова 1836 и 1878 гг., и вторая, прежде никогда не публиковавшаяся. Подробный критический анализ и разбор всего фактического содержания «Записки» не входят в задачу данной публикации. Поэтому нами даются лишь минимальные комментарии биографического, географического и терминологического характера, необходимые для точного понимания текста источника. Согласно правилам публикации исторических документов периода до конца XVIII в., текст воспроизводится с максимальным сохранением его орфографических особенностей. В квадратных скобках курсивом указываются номера листов архивной рукописи (после текста соответствующего листа).

Примечания

- ¹ Наиболее подробный на сей день обзор опубликованных источников и историографии по этой войне на русском языке см.: *Михайлов А.А.* Русско-турецкая война 1736–1739 годов: историографический аспект // *Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г.* СПб., 2012. Ч. II. С. 332–348.
- ² *Егоров В.И.* Русская армия глазами австрийского наблюдателя. Примечания капитана Парадиза о походе 1738 года // *Связь эпох: исторический альманах.* Вып. 1. М., 2018. С. 11–30. Этот документ сочетает черты мемуарного свидетельства и служебного отчёта военного наблюдателя, давшего профессиональную оценку русской армии того времени. Впрочем, еще в XIX веке данный источник использовали С.М. Соловьев и А.А. Кочубинский, а в наши дни — С.Г. Нелипович. Последний высказал абсолютно верное, на наш взгляд, предположение, что «капитан Парадиз» — это псевдоним австрийского военного уполномоченного

при русской армии фон Райски. См.: *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 239. В.И. Егоров приводит фамилию упомянутого лица в написании «де Рейски», что не совсем точно, и придерживается версии, что это был некий анонимный помощник австрийского военного агента. Не вполне выясненными остаются обстоятельства создания этого документа и появления его копии в Российском государственном архиве древних актов. Сведения о предполагаемом авторе у нас также отсутствовали. Нам удалось найти некоторые данные о личности австрийского военного представителя при русской армии. Это был Франц Венцель Райски барон фон Дубниц (нем. *Franz Wenzel Reisky Freiherr von Dubnitz*; 1687–1741), офицер австрийской службы, в 1726–1738 гг. — полковник пехотного полка Йохана Фридриха графа фон Дизбаха. С этим полком он служил на Сицилии, командовал гарнизоном Сиракуз, руководил обороной этой крепости в 1735 г. против испанских войск и затем капитулировал на почётных условиях. В 1738 г. произведён в чин генерал-фельдвахтмейстера. В 1738–1739 гг. — военный уполномоченный (нем. *Militärbevollmächtigte*) при союзной русской армии. Был фактическим руководителем обороны крепости Глогау в Силезии против пруссаков в ходе Первой Силезской войны в 1741 г., был смертельно ранен и умер 3 августа 1741 г. Правильное произношение его фамилии — «Райски», и почти вне всякого сомнения, именно она была зашифрована в псевдониме «капитан Парадиз». Это разрешает и недоумение В.И. Егорова, выраженное в словах: «Такое впечатление, что перед нами не капитан, а по меньшей мере генерал-поручик». Райски фон Дубниц действительно был опытным военачальником, и его чин соответствовал генерал-майорскому.

³ Наибольшую ценность из них имеют работы М.В. Нечитайлова и В.С. Великанова, в особенности их последняя обобщающая монография: *Нечитайлов М.В., Великанов В.С.* Щит и меч султана: Армия Османского государства в конце XVI — начале XVIII в. М., 2020.

⁴ *Taki Victor.* Tsar and Sultan: Russian Encounters with the Ottoman Empire. London; New York, 2016; рус. пер.: *Таки В.* Царь и султан: Османская империя глазами россиянина. М., 2017.

⁵ Точная дата рождения П.И. Панина неизвестна. Во всех биографических и энциклопедических изданиях о нем она обозначается просто как 1721 год. Однако в процессе исследования мы пришли к неоспоримому выводу, что Пётр Панин родился в начале июня 1720 г. Соответствующая аргументация, почерпнутая из писем самого П.И. Панина, будет представлена в нашей будущей книге о его походе 1770 г. на Бендеры.

⁶ Война Оттоманской Порте была официально объявлена высочайшим манифестом императрицы Анны Иоанновны от 12 апреля 1736 г., хотя боевые действия фактически были начаты еще осенью 1735 г. (поход корпуса генерал-лейтенанта М.И. Леонтьева на Крым).

⁷ Записка о том, сколько я памятую о Крымских и Турецких походах / (Из Одесского вестника). Издана С.С. Одесса, 1836.

⁸ *Полиевктов М.А.* Сафонов Степан Васильевич // *Русский биографический словарь.* Т. 18. СПб., 1904. С. 209–210. В библиографии к этой статье её автор, известный историк и археограф, совершенно ошибочно привёл заглавие интересующего нас источника в виде: «Записки Густава Бирона о том, сколько я помню о Крыме и турецких походах».

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Турецкая война при императрице Анне Иоанновне. Записка неизвестного участника оной, с предисловием С.В. Сафонова // *Русский архив.* 1878. № 3. С. 255–274.

- 11 *Байов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1. Первые три года войны. СПб., 1906. С. XXI.
- 12 *Михайлов А.А.* Русско-турецкая война 1736–1739 годов... С. 335; *Егоров В.И.* Русская армия глазами австрийского наблюдателя... С. 13. Несколько странных слова В.И. Егорова о том, что «Записка» была написана «неизвестным автором, предположительно, адъютантом генерала Левендала». В действительности автор «Записки» говорит прямо и недвусмысленно, что он был адъютантом Левендала, и сложность заключалась лишь в установлении личности этого адъютанта.
- 13 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 222 (Панины). Описание фонда; Карт. 13. Ед. хр. 1. Рукописное оглавление дела.
- 14 И это несмотря на то, что саму рукопись и в советское, и в новейшее время просматривал ряд исследователей, в том числе крупный военный историк профессор Л.Г. Бескровный (1905–1980).
- 15 Подробнее об этом имени см. в замечательной, написанной на богатом архивном материале статье: *Чекмарев А.В.* Усадьба Дугино Паниных // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. 2001. Вып. 7 (23). С. 404–433.
- 16 Записка о том, сколько я памятью... Одесса, 1836. С. 33; Турецкая война при императрице Анне Иоанновне... С. 274.
- 17 ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 13. Ед. хр. 1. Л. 19. «Записка о том сколько я памятью о крымских и турецких походах».
- 18 Там же. Л. 21.
- 19 Первое заседание Совета при Высочайшем Дворе состоялось 4 (15) ноября 1768 г., состав его членов был утвержден императрицей накануне.
- 20 О начале войны османский великий визирь Силахдар Хамза Махир-паша официально объявил российскому посланнику А.М. Обрескову на торжественной аудиенции 25 сентября (6 октября) 1768 г. Манифест Екатерины II о начале войны с Турцией был подписан 18 (29) ноября 1768 г. См.: Высочайший манифест 18 ноября 1768 г. Печатан при Сенате 19 ноября 1768 г. (Данный манифест был напечатан на пяти страницах; в Полном собрании законов Российской империи его текст отсутствует).
- 21 Самое подробное специальное исследование об этой придворной группировке см. в: *Ransel David L.* The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; London, 1975.
- 22 Архив Государственного совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1796 гг.). СПб., 1869. Стлб. 8.
- 23 Там же. Стлб. 9.
- 24 Там же. Стлб. 14.
- 25 Помимо прочего, Пётр Панин и З.Г. Чернышёв являлись свояками — были женаты на родных сестрах Марии и Анне, урождённых Ведель, фрейлинах Екатерины II. Отношения двух родственников-генералов были отвратительными, и между ними постоянно возникали конфликты по различным служебным вопросам.
- 26 ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 13. Ед. хр. 1. Л. 23 об.–24.
- 27 Там же. Л. 14.
- 28 Там же. Л. 22 об.
- 29 Там же. Л. 25.

- 30 О военной ситуации на среднем Днестре в первые месяцы русско-турецкой войны см. в ценной статье польского историка: *Цесельски Томаш*. Барская конфедерация на Подолии и первый период Русско-турецкой войны в зеркале переписки коменданта Каменец-Подольской крепости Иосифа де Витте (зима 1768 — лето 1769 года) // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года*. Ч. IV. СПб., 2015. С. 306–320.
- 31 Там же. С. 309.
- 32 ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 13. Ед. хр. 1. Л. 24.
- 33 Польский историк Т. Цесельски пишет: «Построенная на рубеже 1692 и 1693 г. на скалистом выступе в междуречье Днестра и Збруча крепость Окопы Святой Троицы никогда не была оснащена сильной артиллерией и снабжена многочисленным гарнизоном. Имела при этом очень скромные и достаточно анахроничные для XVIII в. укрепления, которые вдобавок, из-за отсутствия соответствующей консервации, разрушились до такой степени, что в 1768 г. крепость была признана «главным образом разрушенной», из нее был выведен весь гарнизон и вся артиллерия. В результате был полностью демилитаризован объект, который с достаточной чрезмерностью называли крепостью, так как в действительности он был фортом или только военным сторожевым пунктом, охраняющим границу». *Цесельски Томаш*. Барская конфедерация на Подолии... С. 308.
- 34 Подробно о действиях русской армии в этот период см.: *Байов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 2. Кампания 1739 г. СПб., 1906. С. 178–223.
- 35 Там же. С. 267–268.
- 36 Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 16.
- 37 8 сентября 1769 г. в лагерь русской армии на Днестре прибыла из Каменца депутация из группы офицеров, с поздравлениями от коменданта де Витта и просьбой осмотреть места боев с турками // РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 571–572. Всеподданнейшая реляция князя А.М. Голицына императрице Екатерине II. 8 сентября 1769 г.
- 38 *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Составлено, преимущественно, из неизвестных по сие время рукописных материалов, Генерального штаба капитаном А. Петровым. Т. 1. Год 1769. СПб., 1866. С. 145–148; *Цесельски Томаш*. Барская конфедерация на Подолии... С. 315.
- 39 Архив Государственного Совета. Т. 1. Стлб. 30–31.
- 40 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1852. Л. 1–1 об. Рескрипт императрицы Екатерины II генерал-аншефу графу П.И. Панину. 13 августа 1769 г.
- 41 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей... Ч. 4. С. 108.
- 42 Записки Манштейна о России 1724–1744 гг. Замечания на них графа Петра Ивановича Панина. Писаны в 1770-х годах / Оттиски из исторического журнала «Русская старина», из 1879 г., кн. XI и XII. СПб., 1879. С. 109.
- 43 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории, составленный Дмитр. Бантыш-Каменским и изданный Александром Ширяевым. Ч. 4. М., 1836. С. 126. Вероятно, под Журналом имелся в виду Журнал военных действий 2-й армии, поскольку о каком-либо личном «журнале», т.е. дневнике П.И. Панина, ничего не известно.

- 44 *Гейсман П.А., Дубовской А.Н.* Граф Петр Иванович Панин (1721–1789). Исторический очерк военной и государственной деятельности / С портретом и 3 картами. СПб., 1897. С. 2.
- 45 Там же. С. 6.
- 46 Книга Устав воинский о должности генералов, фелт маршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть. И о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно. Напечатана повелением Царского Величества. СПб., 1717. С. 89, 91.
- 47 ОР РГБ. Ф. 222. Папка 15. Ед. хр. 7. Л. 3-4 об. Письмо П.И. Панина Н.И. Панину. 16 июня 1770 г.
- 48 Записка... С. 7. В источнике не называется, какой это был Бирон, но можно заключить, что имелся в виду Карл Бирон, а не третий брат, Густав Бирон (1695–1746), который в чине подполковника Измайловского полка командовал сводным отрядом гвардии, пришедшим на театр войны с Турцией лишь в 1737 г.
- 49 О жизни и военной карьере Лёвендаля см. в его подробной биографии: [*André Louis Woldemar Alphée*] *marquis Sinéty*. Vie du maréchal de Lowendal, comte du Saint-empire, chevalier des ordres du roi, de Malte, de Saint-Louis, de Saint-Hubert et de Saint-Alexandre Newski, membre de l'Académie des sciences. Т. 1–2. Paris, 1867–1868.
- 50 *Байов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1. Первые три года войны. СПб., 1906. С. 487.
- 51 Записки Манштейна о России 1724–1744 гг. Замечания на них графа Петра Ивановича Панина. Писаны в 1770-х годах / Оттиски из исторического журнала «Русская Старина», из 1879 г., кн. XI и XII. СПб., 1879. С. 98. Отметим здесь следующее. Цитируемый разбор записок К.Г. фон Манштейна, как и сами они, является знаменитым и замечательным источником по истории России середины XVIII в.; он публиковался неоднократно. Авторство его так и не было установлено абсолютно достоверно, несмотря на многие усилия историков. Как видно даже из заглавия данного издания, один из исследователей-публикаторов, П.Н. Петров, доказывал, что автором был также П.И. Панин. Его версия строилась исключительно на косвенных и умозрительных заключениях, и уже вскоре была убедительно опровергнута. См.: [*Юргенсон А.Я.*] Записки графа Эрнста Миниха и его замечания на мемуары Манштейна в исследовании Арведа Юргенсона / пер. с немецкой рукописи В.В. Тимошук // Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха / Издание редакции исторического журнала «Русская Старина». СПб., 1891. С. 223–284. Однако сам факт появления такой версии показывает, что дореволюционные историки считали П.И. Панина не только прекрасным информированным, но и весьма наблюдательным свидетелем бурных событий своего века и считали возможным приписывать ему авторство ценных мемуаров. При этом выражаем обоснованную уверенность, что в случае с «Запиской о том, сколько я памятую...» доказанное нами авторство Петра Панина не будет никем опровергнуто.
- 52 *Cust Edward*. Annals of the Wars of the Eighteenth Century, compiled from the most Authentic Histories of the Period by the Hon. Sir Edward Cust, D.C.L., Lieutenant-General in the British Army, and Colonel of the Sixteenth Queen's Lancers. Vol. II. 1739–1759. London, 1862. P. 121.
- 53 Об этом Панин писал и в своем донесении императрице, и в частном письме брату Никите. См.: РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1853. Ч. 2. Л. 412–416. П.И. Панин — Екатерине II. Всеподданнейшая реляция. 12 октября 1770 г. № 48. Из лагеря при Балте; ОР РГБ. Ф. 222. Папка 15. Ед. хр. 8. Л. 15–18 об. П.И. Панин — Н.И. Панину. Письмо. 22 сентября 1770 г. Из лагеря под Бендерами.

- ⁵⁴ В начале войны 1768–1774 гг. все русские командующие — и Голицын, и Румянцев, и Панин — считали рогатки важнейшим средством обороны против турок и татар. Боевые действия первой же кампании той войны показали, что рогатки сковывали русские войска в полевом сражении, и от них начали постепенно отказываться. Однако как средство защиты лагеря от неприятельских нападений они оставались незаменимы.
- ⁵⁵ [*Марсильи, Луиджи Фердинандо*]. Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком / Сочинено чрез графа де Марсильи, члена Парижския королевския академии наук и Монпельерския также, Лондонскаго королевскаго социэтета и основателя Болонскаго института. Все украшено грьдорованными листами. Ч. 1–2. СПб., 1737.
- ⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 13. Ед. хр. 1. Л. 19 об.
- ⁵⁷ [*Панин П.И.*]. Наставление от предводителя Второй армии, генерал-аншефа, сенатора и кавалера графа Панина войску ему врученному, на предводительство в наступательныя действия противу войска турецкаго, сочинено при вступлении в неприятельскую землю 7 июня 1770 года. [М.], [Унив. тип.], [1770].
- ⁵⁸ Записка о том, сколько я памятую... Одесса, 1836. С. I–II.

Записка о том, сколко я памятую о крымских и турецких походах

[Ноябрь-декабрь 1768 г.]

В 1736^м году армия, собравшись при Царицыне*, выступила оттуда в поход з запасным на шесть недель провиантом, которой при полках состоял в толченых сухарях, причем как офицеры, так и солдаты должны были, сколко возможно было, уменьшить число артельных своих телег. Все сие чинено было в том намерении, чтоб меньше иметь богажу и чтоб оной можно было вести в замкнутом карее. Бывшей потом фельдмаршалом князь Никита Юрьевич Трубецкой** оставлен был в Украине для закупки провианта и для отправления онаго к армии, а дабы оной тем надежнее препроводить, то на походе армии в известных расстояниях от границы до Перекопа построены были редуты и фельшанцы, в коих оставлены неболшие гарнизоны из регулярных и нерегулярных войск для прикрытия подвозимого провианта и проезжающих курьеров. На каждой полк взято было по несколку бочек вина*** для ободрения временем утомленных солдат, кои во весь поход иной пищи не имели, кроме своего провианта и воды, да и та по большой части была негодная, а иногда и совсем оной достать было не можно. Порозжие бочки употреблялись после для вожения с собою в нужном случае воды.

После всех сих приуготовлений и распоряжений армия, вступя в поход, строила от разстояния до разстояния редуты и дошла

* Имеется в виду Царичанка — шанец поселенного Донецкого пикинерного полка, в составе Украинской пограничной линии, совр. поселок городского типа Царичанка Царичанского (с 2020 г. Днепровского) района Днепровской области Украины. Здесь и далее все постраничные примечания принадлежат публикатору. — В. К.

** Трубецкой Никита Юрьевич (1699–1767), князь, русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1756 г.). Во время войны 1736–1739 гг. занимал должность генерал-кригс-комиссара, т.е. главного интенданта армии.

*** В публикации С.В. Сафонова ошибочно указано «несколько бочек пива», что представляет собой абсурд с практической точки зрения. В данном случае определено имелось в виду виноградное вино, которое использовалось и для поднятия духа солдат, и, главное, для улучшения качества питьевой воды. Возить же пиво в течение жаркой летней кампании было немыслимо.

до Черной Долины*, не будучи много беспокоивана неприятелем, которой толко по временам показывался разными партиями, но тот час назад отступал.

У Черной Долины полковник Виттен** с 1500 драгун и несколькими казаками, коих числа не упомяну, командирован был для присматривания за неприятелем, блиско ли он находится и в каком числе. Отошед около 12^{ти} верст от армии, нашол он неприятеля, которой, по крайней мере в 60000, тот час начал его окружать и стрелами по нем стрелять, но прежде нежели неприятель совершенно его окружил, отправил он офицера к фельтмаршалу и требовал сикурсу***. Генерал майор Шпигель, взяв с собою 200 человек гранодеров, поспешил к нему на сикурс, а за ним следовал сам фельдмаршал с двумя эскадронами конницы и некоторым числом казаков. [Л. 4] Фельтмаршал настиг генерала Шпигеля в 4^х верстах от полковника Виттена, но, усмотря болшую неприятельскую силу и опасаясь, дабы отрезанным не быть и армии бес командира не оставить, а притом отправить сильнейшей сикурс, поспешал назад к армии и гоним был татарами, которые одного из его адъютантов ранили. Оные татары, прошед между генералом Шпигелем и полковником Виттеном, не дали им соединиться, а притом со всех сторон их окружили. Нападении их продолжались даже до захождения солнца, однако с весьма малым с нашей стороны уроном. Между ранеными находились генерал Шпигель з двумя ранеными ж его гранодерами и двумя мертвыми, а из драгун и казаков убито и ранено было около 40 человек****.

* Чёрная Долина, урочище — местность на левом берегу Днепра в его нижнем течении, к югу от Таванской переправы. Сейчас там находится село Чёрная Долина Чаплинского района Херсонской области (в 30 км к югу от Каховки). Урочище традиционно служило местом отдыха на пути в Крым. См.: Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов / Сост., вступ. статья, археограф. введение, передача текста, коммент. и указатели П.А. Авакова; отв. ред. И.О. Тюменцев. Ростов-на-Дону, 2017. С. 271.

** Виттен Кристофер Вильгельм, фон — российский военачальник немецкого происхождения. Вступил в службу рядовым гренадером в 1718 г. В 1736 г. — полковник Санкт-Петербургского драгунского полка.

*** Сикурс (воен., устар., от фр. *secours* — помощь, поддержка) — подкрепление, оказание военной поддержки; отряд, идущий на поддержку.

**** Описанное боевое столкновение произошло 8 мая 1736 г. См.: Журналы Крымских походов... С. 58–60.

Фелдмаршал, прибыв по захождении солнца в лагерь, командировал тот час на сикурс генерала Леонтьева* с 4 пехотными полками. Оной выступил в 11^м часу вечера и прибыл около 2^х часов пополуночи к генералу Шпигелю, татары принуждены были назад отступить, и оба соединились с полковником Виттенном. Главная армия выступила в 4 часа поутру и пришла к ним в 7^м часу на то место, где стоял и атакован был полковник Виттен, неприятель находился в 2^х верстах от них, но скоро назад отступил и, перестреливаясь с нашими лехкими войсками, разделился потом вкруг всего карея и, продолжая сим образом нас беспококовать, старался всячески изнурить армию и поход ее остановить, в чем ему и удалось, потому что за потеряние всей армии почитали, естли бы зделалася хотя малая прореха, в которую бы он в каре ворватся мог. По сей притчине маршировали мы весма медленно, и когда в обозе что нибуть изломится, или в упряжке хотя малое что повредится, то вся армия до исправления починкою должна была остановится, следственно, не можно было и 500 шагов перейти, чтоб паки не стоять полчаса и более. Таким образом и при самых малых маршах невозможно было прежде 4^х или 5^{ти} часов вечера в лагерь прибыть; солдат между тем солнечным зноем и худою пищею весма изнуряем был, а скот, будучи во весь день в упряжке, не меньше страдал и истощевал, потому что все онаго число ночью, и то толко в карее, травую, сколько оной там было, питатся; и часто целые сутки и более без воды быть принуждено было. Естли кто противу данного приказу утомленную свою лошадь за рогатки выпустит, то [Л. 4 об.] уже та лошадь верно неприятелем либо взята, либо ранена и ко употреблению негодною зделана была.

Я должен здесь напоянуть, что в маршировании кареем особливою нужды не было, и что гораздо бы выгоднее было для войска, естли бы полки обеих фасов колонною маршировали, в котором случае могли бы они всегда столь скоро, как того нужда бы востребовала, формироватся для прикрытия обозу. Можно лехко себе представить, что такой великой фронт, будучи стес-

* Леонтьев Михайла Иванович (1672–1752), русский военный деятель, генерал-лейтенант в 1736 г. Осенью 1735 г. командовал неудачным походом корпуса русских войск на Крым.

няем примкнувшимися к нему богажем, в прямой линии всегда маршировать не может, но она иногда выгибалась, а иногда и перерывалась, а дабы до сего не допустить, то во время маршу должно было безпрестанно выравниваться, то к правому, то к левому флангу, и таким образом салдат, делая почти двойной марш, еще больше утомляем был. Со всею сею предосторожностью, однажды несколько татар, между Перекопы и Козловым, при переходе чрез неглубокую воду, ворвалось на заднем фесе в каре, потому салдаты, не хотя глубокими местами чрез воду проходить, зделали в линии прореху. Я не думаю, чтоб татары при маршировании колоннами на то отважились, не могли они никакого вреда зделать, потому что невозможно было им сквозь стесненной обоз далее 30^{ти} или 40 шагов пробиться. К тому ж все фурлейты или извошки и офицерские слуги, находившиеся при обозе, снабдены были ружьями, копьями и саблями, последние оба рода оружия могли в сем случае иметь некоторую ползу, а первой толко при фуражировании, но не в карее. И самой сей случай был тому доказательством, ибо как скоро толко голос до передняго фасу дошел, что неприятель назади в обоз ворвался, то всякой в переднем фесе за должность свою признавал назад стрелять, и таким образом стреляли по своим собственным людям, неприятель давно уже выгнан был, а стрелбы сей пересечь было невозможно, и удивительно, что от сего беспорядка болшаго вреда людям не приключилось.

Рогатки по моему мнению необходимо нужны для безопасности лагеря и для доставления в нем салдатам покоя, особливо в такой земле, где везде глаткое и равное поле, и где ни фронт, ни фланки, ни же затылок лагеря ничем прикрыть не можно, и где такой лехкой и нерегулярной неприятель одним толко всегдашним тревоженьем старается утомить своего неприятеля, а от сражения и баталии вовсе [Л. 5] убегают и ничем к тому понуждаем быть не может. Иное дело с турками, и в такой земле, где есть горы, лощины, реки, переправы, болоты и прочее. Можно бы было против сего возражить, что и неприятель сам чрез то утомляется и наконец сей образ воевания отставить должен; но естли разсудить, что он к сему тревоженью употребить может толко третью часть своего войска, отступя назад з досталным на не-

сколько верст от армии, где кормит своих лошадей, сам отдыхает и, имея свой покой, других сменяет, а притом служит на коне, не печется нимало ни о своем провианте, ни о подвозе оного, находит пропитание свое в оставленных нами лагерях, от падших и за негодностию к употреблению брошенных лошадей и прочего скота, знает все места своей степи и потому в воде никогда или весьма редко нужду терпит, и в таком случае оной нужде помогает кобыльим молоком. Напротив того, салдат идет пешком, несет на себе немалую тягость и часто, когда лошади совсем из силы выбьютца, сам тащить должен телегу и свой провиант, кроме хлеба и воды иной пищи не знает, по недостатку в дровах весьма редко кашу себе сварить может, в лагере беспрестанным от неприятеля тревоженьем лишен сна и нужного покоя, а наконец всякими болезнями, яко лихоратками, горячками и кровавыми поносами и прочими одержим будучи, здоровых заражает и таким образом целую армию приводит в несостояние исполнять повеления Монаршая. Что касается до пик, которые мы с собою возили и на рогатки накладывали, то я в них никакой пользы не признаваю, и оные никогда употребляемы не были.

При таком трудном марше и беспрестанном тревоженье армия пришла к Перекопи, а неприятель перебрался за линию свою в Крым. Фельдмаршал, постояв дня з два или три пред крепостью и сделав между тем два редута и несколько батарей для стрельяния по крепости, командировал генерала квартирмейстера Штофелна, чтоб, осмотря линию, сыскать такое место, где бы она была непочинена и можно бы ее отаковать приступом. [Л. 5 об.]

По рапорту оказалось, что невозможно учинить приступа, разве с превеликим уроном армии, ежели неприятель столь храбро оную оборонять [будет], как число находящегося позади оной его войска велико. Но как фельдмаршал твердо намерен был итти на приступ, то он, утаив сей рапорт, отдал приказ, чтоб большая часть армии по захождении солнца выступила ордером батали в две линии, чтоб ночью приступить к левому флангу Перекопской линии и на рассвете итти к ней приступом; достальная часть арьмии должна была около полуночи делать фалшивую атаку к крепости и к линии, простирающейся к Гнилому морю. Все сие исполнено было порядочно, но фалшивая атака причи-

нила, что вся татарская сила перешла на правой ее фланг, чтоб на той стороне крепость и линию прикрыть и оборонить. Как же наши на рассвете начали приступать к находящейся по левую сторону от Перекопи части линии, то мы иного сопротивления не нашли, как от башен, но оные нам нимало вредить не могли, потому что мы тот час подобрались под их пушки, и они более десяти выстрелов по нас учинить не могли*.

Три шеренги армии опустились в ров, а четвертая, которая несла рогатки, остановилась на краю онаго. Ров глубиною был, по крайней мере, в три сажени, и приступных лесниц с нами ни единой не было, почему для салдат иного не оставалось, кроме того, что один салдат другому на плеча становился, штыки в землю втыкал, и таким образом наверх взойти домогался. Чрез полчаса все три шеренги взошли наверх и вступили в Крым. Сколь скоро срыванием вала засыпано было несколько сажень во рву, то и четвертая шеренга с рогатками и с полевой нашею артиллериею туда же перешли, так что около 10го часа все стояли уже в порядке баталии. Башни были взяты и, по принятии в полон гарнизонов, нами заняты, а армия до 4^х часов пополудни отдых имела. Неприятель отступил внутрь Крыма и оставил толко гарнизон Перекопской крепости.

В 5^м часу пополудни, фельдмаршал маршировал двумя [Л. 6] колоннами мимо крепости и почти под пушками оной, сие делал он нарочно для того, чтобы увидеть, как она оборонятся будет, а как из оной учинено было толко несколько выстрелов, без всякаго нам вреда, то он тот час велел требовать сдачи и, по несколькими с их стороны учиненным трудностям, выслали они еще того ж вечера аманатов в лагерь, а с нашей стороны послан был к ним генерал майор Бирон, при котором я тогда был адъютантом, и еще в ту же ночь заключена была капитуляция, и на другой день поутру заняли мы крепость.

Фельдмаршал надеялся найти в сем месте многочисленный магазейн, но вместо того оказалось, что оной весьма невелик, едва оного стать может на 4 месяца двум полкам, оставленным под командою господина полковника Девица для содержания гар-

* Описываемый штурм укреплений Перекопа произошёл 20 мая 1736 г.

низону в сей крепости, почему должен бы он был оставить свой марш далее в Крым, естли бы его не уверили, что в деревнях по Козловской дороге несколько, а в самом Козлове* весьма довольно хлеба находится, сие побудило его продолжать свой марш и в то же самое время отправить генерала Леонтьева с корпусом к Кинбурну для взятия онаго, подтверждая притом князю Трубецкому об отправлении в Перекоп запасного провианта. Как скоро армия к Козлову в марш вступила, начали опять показываться татары, яко обитатели сего острова, и следовали за нами со всех сторон, ночлеги их были всегда в семи или в осми верстах от нас, что они до тех пор продолжали, как генерал-фельдмаршал, в одну ночь, генералу майору Гейну приказал на них учинить нечаянное нападение, при котором случае они весьма много потеряли, и хотя наши донские казаки недосмотрением вышеупомянутого генерала майора также некоторой урон претерпели, однако татары с того времени всегда под вечер болше от нас удалялись, а при восхождении солнца, хотя и не все, а по крайней мере часть из них опять к нам возвращалась. [Л. 6 об.]

Армия начинала уже иметь недостаток в провианте, чего ради при выступлении из лагеря от каждого полку отправляемы были всегда по две порозжих телег под прикрытием регулярных и нерегулярных войск, кои по обоим фланкам армии вне карея маршировали и, естли где верстах в двух или трех в стороне увидят деревню, должны были туда следовать для искания хлеба, коего несколько и находили в земле зарытого, так что на иной полк доставалось по три и по четыре четверти. Оной хлеб в ручных мельницах, кои каждая рота при себе имела, ночью мололи. Но к печению не доставало ни судна, ни дров, ни печи, ни же потребного к тому времени, почему должны они были муку варить наподобие киселя, а где случались дрова, там, зделав лепёшки, жарили оныя на огне, многие и немолотой хлеб жарили и так его ели, а иные ели и совсем сырой, ибо по претерпении дневнаго труда и солнечнаго зноя казалось им несносною тягостию оной ночью молоть, отчего последовал у многих понос, и число болных весьма умножилось, многие померли, и некоторые полки при возвратном

* Козлов — русифицированная версия татарского названия г. Кезлев (*Kezlev*), также Кезлёв, Кёзлёв, совр. Евпатория.

к Перекопи пути не имели и 200 человек здоровых в шеренгах и рядах, а для прикрытия обозу и артиллерии, которые также знатно уменьшились, маршировали полки в две шеренги, и то весьма в немалом расстоянии человек от человека. От уменьшения офицерского богажу и артелной повоски, офицеры и салдаты претерпевали во всем потребном нужду, каждой офицер рад был, когда из привезенного хлеба ему с шляпу для людей его дадут. Я сам за один маркитантской хлеб и за худой окорок при возвращении к Перекопи шесть рублей заплатил; а скота во весь наш марш один толко раз казаки между Перекопью и Козловым с 4000 овец достали, ис котораго числа несколько и по полкам роздано было, потому [что] весь скот отогнан был в горы. Как артиллерийския, так подъемныя и драгунския лошади весьма ослабели, и большая часть драгун шли наконец пешие, ибо лошадей их в артиллерийскую упряжку употребить было должно. [Л. 7]

Артиллерийския фурманы* велики и по положению в штате, в разсуждении припрягаемых лошадей, весьма тяжелы, и на сто лошадей дано было толко 4 запасных. После четырех неделнаго марша армии вся артиллерийская припряжная збуя испорчена была, что немало останавливало весь марш, да и малое число свежих лошадей, кои вместо смученых во все стороны употреблялись, также скоро из сил вышли, которую нужду не прежде как в походе 1739 года поправили, когда по представлению генерала Левендаля новое в том распоряжение зделано было, ибо тогда при выступлении армии от зборного места в запряжку к каждому орудию и к амуниционным и пантонным фурам прибавлено было по несколку лошадей, и, сколко мне помнится, по 20^{ти} запасных на каждые сто, и толко в сей кампании армия с артиллериею и понтонами порядочно маршировать в состоянии была. В походах 37, 38, 39 годов, будучи адъютантом при генерале Левендале, которой сверх своей дивизии и артиллериею командовал, узнал я нужду, какую артиллерийские офицеры претерпевали и которая на всю армию простиралась, да иначе и быть не могло, естли разсудить, сколь долго скот терпеть может,

* Фурманы — в данном случае имеются в виду большие телеги и обозы артиллерийского обоза (фуры). Слово «фурман» обыкновенно означало кучера-извозчика, а не транспортное средство.

будучи 4 или 5 месяцев каждой день с утра до ночи обременен и запряжен, а притом не получая во все то время ни зерна овса и питаюсь в ночное время в сомкнутом карее одною травою, которья и найти не может столко, чтобы хотя половину досыта наестся, иногда же одни и двои сутки без воды быть должен, причем еще нетерпеливость утомленного погонщика без всякой пощады его мучит и погоняет; в таковых обстоятельствах мы возвратно чрез Крым к границам своим маршировали.

На дороге к Козлову великой был в воде недостаток, а особливо в последние три дни, хотя салдатом в каждой из сих дней давали по чарке вина и велено им было свинцовую пулю во рте держать*, а при арриергарде всегда [Л. 7 об.] было по бочке вина для ободрения тех, кои от жару, жажды и бесилия изнемогали, однако ж все сии способы были тщетны, и ежели б всемилосердый Господь Бог нам в последней день за две мили от Козлова не даровал толь силнаго дождя, что солдаты выше башмаков в воде стояли, то бы того дня несколько тысяч людей злощастно и без всякой помощи погибли. В сем то случае я, смотря на фельдмаршала, видеть мог, сколко командир страждет, которой, повеления своего Государя исполняя и по благополучном успехе лаская себя приобретением вечной славы, по человечеству чювствует нужду ближняго своего, уже при вратах смерти стоящаго, и которой, ко всему сему употребляем будучи, еще сверх того с стихиями бороться должен и, от солнечного зноя истаевая, ни одной капли воды не имеет, коею бы сам мог жажду свою утолить.

Наконец пришли мы к Козлову и нашли, что сие место как гарнизоном, так и жителями оставлено и ни одного человека в оном не находится, ибо они, выбравши оттуда все, что толко возможно было, увезли. Со всем тем нашли мы там еще довольное число пшеницы и ячменя. В сем то месте полки паки запаслись хлебом, да и лошадям даван был в немногие те дни, как там стояли, настоящей корм, однако ж некоторыя, не имея о лошадином корме надлежащаго понятия и не зная меры, сыпали им сухой пшеницы и ячменя столко, сколко есть хотели, надеясь их

* Имеется в виду известный в старину у военных и моряков прием: свинцовая пуля во рту вызывала слюноотделение, чем предотвращалось пересыхание ротовой полости и отчасти притуплялось чувство жажды.

чрез то в прежнее состояние привести, но голодной скот столко сего сухаго хлеба жрал, что как их после поить водили, то оной сухой хлеб после воды разбух, и много сот лошадей от того околело. Доколе мы здесь стояли, салдаты мололи и пекли хлеб, и армия взяла с собою на 8^{мб} дней печеных хлебов, а на три недели зерном, чтоб впредь было что молоть, но в первые два марша должно было неотменно третью часть оногo бросить, потому что лошади весма пристали и не могли оногo вести. [Л. 8]

Мы маршировали к Бахчисараю и, возвращаясь к Перекопи, находили в деревнях довольно хлеба, но по болшой части должны были оной оставлять, ибо лошади весма ослабели, и не проходило почти ни одного дня, чтобы человек до ста в каждом полку не употреблены были для воски на себе полковаго обоза; а в воде мы не столко имели недостатка, как идучи к Козлову, хотя она и ретко хороша, но соленая и грязная была.

Генерал Леонтьев в Кинбурне и в тамошних местах несколько тысяч овец и некоторое число рогатого скота в добычу получил, из которого несколько прислано было в армию, по прибытии к Перекопу.

Во время наших в Крыму маршей полковник Девиц* должен был стараться в лежащих около Перекопи татарских деревнях искать для нас запасного хлеба. Он, как в тех деревнях, так и в предместьи Перекопском, несколько оногo в земле зарытого нашел, и армия запаслась оным почти на неделю, а между тем из Украины еще ничего привезено не было.

Фельдмаршал заключил возвратной марш, а пред тем отправил моего генерала назад в Украину для понуждения скорейшаго транспорта идущаго к армии провианта и для напоминания князю Трубецкому, чтоб оногo из Украины еще столко, сколько потребно, отправить. Но он на всей дороге ничего не нашел и приехал в Украину к князю Трубецкому, которой еще толко намерялся первой транспорт отпустить, что и исполнил. И так салдаты, на своем возвратном марше, хотя голоду не терпели, но должно было порции им уменьшить.

* Девиц Андрей Петрович (†1758), российский военачальник. В 1736 г. — полковник, командир Белозерского пехотного полка, комендант Перекопа. См.: Журналы Крымских походов... С. 277.

Генерал майор Шпигель с своим корпусом более всех претерпел. Фельдмаршал командировал его вперед к Молошным Водам* з болшею частию кавалерии и с некоторым числом казачков, за три или за четыре дни до вступления армии в марш из Перекопи для того, чтобы татар по сей дороге из Крыма не выпустить. [Л. 8 об.] О сем проходе он в то время впервые прослышал, а прежде того об оном вовсе не знал. Фельдмаршал Лессий** ползовался оным в будущем году, он намерен был оным овладеть, но большая часть татар еще до прибытия генерала Шпигеля прошла, и он нашел себя так скоро, как толко туда пришел, ими окруженным, и они его весьма беспокоили. Он ожидал фельдмаршалскаго повеления о том, когда и куда маршировать должен, но фельдмаршал о себе не мог чрез курьера уведомить его, ибо татары их не пропускали, правда что фельдмаршал, по вступлении своем в марш из Перекопи, послал к нему курьера с повелением, что ему делать, но оной татарами был перенят, а как он втораго отправил, то и тот татарами назад гоним возвратился, не выдав генерала Шпигеля команды. Фельдмаршал простоял верст 50 от Перекопи дня с два и думал, что по утренним и вечерним выстрелам генерал Шпигель узнает, где фельдмаршал находится, и следовательно не преминет в ту сторону маршировать. Но Шпигель, которой сего слышать не мог, стоял в своем месте неподвижно, а фельдмаршал должен был, для того, чтоб стоя не потратить напрасно своего провианту, в марш вступить. Шпигель, которой не более как дни на три или на четыре провианту имел и о фельдмаршале ничего не знал, и хотя бы знал, однако ведал, что у него запасного провианту быть не может, принял намерение силою открыть себе дорогу в Бахмут сквозь татар, что он с таким успехом исполнил, что неприятель его удержать не мог, и он щастливо в Бахмут пришел, хотя и принужден был позволить своей команде, которая нужду терпела, лошадей резать и в пищу употреблять. Как сей, так и следующие в другие года походы кончились тем, что мы принуждены были взятые

* Молошныя Воды (от турк. «Сют тень») — старое название реки Молочная в северо-западном Приазовье, впадающей в Молочный лиман Азовского моря.

** Ласси (Лесси, Лессий) Пётр Петрович (англ. *Pierce Edmond de Lacy*, ирл. *Peadar de Lása*; 1678—1751), российский военный деятель, генерал-фельдмаршал, ирландец по происхождению.

места паки оставить и на границы почти с разоренною армиею возвратится, хотя неприятель чрез разорение трех своих городов и многих выжженных деревень также немало претерпел. [Л. 9]

Генерално нахожу я, что марш чрез Крым много затруднений имеет, и ежели салдат и офицер нужды терпеть не должны, то надлежит им дозволить следующее:

1°. Офицеру иметь при себе такой обоз, какой его обстоятельства ему дозволяют, а салдатом столко артельных телег, сколько они содержать могут, со всем тем у них лишняго ничего не будет. Фельдмаршал, изведав сие опытом, в следующей кампании нам в том позволил, и по сей притчине мы никогда уже до такой крайности не доходили.

2°. Чтобы провиант подвозим был порядочно и чтобы оной в Перекопи складывать, дабы армия после того, как несколько недель в Крыму кругом походит, опять к своим магазейнам приблизится и отдохнуть могла.

3°. Взять Крым и оной за собою удержать, кажется мне до тех пор невозможным, пока не будет в Азовском море флота, которой туркам показатся и с ними сразится может.

4°. Взятие Каффы кажется мне также без флота великим трудностям подверженным, к тому ж должно чрез великие горы переходить, куда транспорты провианта требуют канвою, от чего не толко идущая впереди армия слабее становится, но и опасатся должно, чтобы неприятель тех транспортов не разбил или не перехватил, а без доволнаго провианту редко можно взять город, никогда же онаго за собою удержать не можно, особливо когда по притчине отдаленности порядочной коммуникации с своими границами иметь нельзя. Напротив чего, неприятель может оную коммуникацию всегда чрез флоты свои, находящиеся в Черном и Азовском морях, иметь и сохранить.

5°. Весма б отважно было полагать надежду свою на продукты земли, особливо ежели разсудить, что татары своих лошадей и свой скот зимою и летом в степь пускают и сена не более запасают, как толко чтобы недели три [Л. 9 об.] или четыре прокормить лошадей, с которыми намерены они в соседской земле зделать нападение. О наших лошадях не уповаю, чтоб оне в состоянии были то же выдержать, а еще меньше, чтоб их при таком кор-

ме употреблять было можно к перевозке провианта, а о имении в крымских крепостях запасных магазейнов не столько татары, сколько турки старание имеют.

6°. При сем корпусе должно быть довольному числу марки-тантов, кои б все для салдата потребное с собою возили. В сем походе было оных весма мало; а в последующих болше, потому что по имянным указам туда почти командированы были.

7°. Положенных по штату полковых лошадей для сих походов недовольно, а должно их болше быть, иначе налагаемого на них труда не снесут.

8°. Артиллерийские, аммуничные и понтонные фуры, как я уже выше упомянул, так тяжелы, что их лошади такого долгого марша никоим образом выдержать не могут. Учреждение их шта-та в таких походах никоим образом служить не может, а должно в упряжку иметь болше, нежели штатом положено. Также и запас-ных на то болше, нежели штатом назначено, ибо во всех таких походах артиллерия много к раззорению армии способствовала.

9°. Понтоны, а особливо мостовые доски, кои должны бросать на болотные места, нужны, и должно оные вести с собою, ибо случается проходить такими местами, где вовсе лесу нет, а без оного ничем себе помочь не можно.

10°. Вино и збитень с собою корпус иметь должен. Сего последняго армия в 1737^м годе не имела, и от того происходили жестокие поносы, а в последующих походах весма старались о имении оного.

11°. Ежели я смею сказать свое мнение о завоевании Крыма, то я сие не почитаю за такое дело, которое бы в одну компанию совершить было возможно. Когда впервой удастся взять Кинбурн и Перекопъ, то татары заперты будут, особливо ежели построится при Молошних Водах ретраншемент* для пресечения им и сей дороги. Таким образом Украина с сей стороны будет совершенно безопасна. Покуда сие в первую компанию исполнятся будет,

* Ретраншемент (ретраншамент; воен., устар., от фр. *retrancher* — укрепить, обнести окопами) — фортификационное сооружение, как правило, временное, дерево-земляное укрепление, предназначенное для усиления полевой позиции войск либо крепостных укреплений (в качестве дополнительной линии обороны); обыкновенно состояло из рва и земляного вала, иногда усиленного палисадом (частоколом) и иными заграждениями.

надлежит по учрежденной в последнем мире границе, коя составляет [Л. 10] от Днепра до Азовского моря около 150 верст и по двум рекам, Конские Воды и Берды, простирается, редуты и ретраншементы построить, кои б правянтном, фуражем и всеми потребностями для салдат снабдены были, дабы в случае, когда армия или корпус оныя к осени принужден будет возвратится, то бы там иметь мог свои винтер или кантонир квартиры, тогда-то можно будет Перекопъ и Кинбурн удержать за собою, и нужды не будет оные покидать, чтоб на будущий год паки брать, к тому ж гарнизоны обоих сих мест чрез то подкреплены и прикрыты быть могут. Да и зимою, когда все реки замерзнут, татары не осмелятся на Украину напасть, ибо они попались бы между двух огней, один — сего корпуса, а другой — того, которой в Украине находится, а с обеих сторон донскими казаками и запорожцами во фланги отакованы быть могли б. Но самое важнейшее есть то, что те, кои в степи за старою линиею поселились, чрез то прикрыты бы были. В следующем годе корпус с весны был бы уже в Крыму и мог бы действовать, не вредя своей упряшки прежде употребительными маршами, а во время зимы можно бы магазейн в Перекопи на будущий год из сих мест наполнить. Ежели года с два таким образом против крымцов подействовать и, крепко там засевши, летом их города и деревни разорять, а их самих в их полуострове запереть, то я думаю, что они бы российскому скипетру скоро покорились и о принятии их под защищение российское сами просить будут, тогда ж можно бы уверену быть, что гарнизоны или корпус, которой должно будет там содержать, себе пропитание найдут. [Л. 10 об.]

Примечания о походе 1737 года к Очакову

В сем году положено было действовать двумя армиями, а имянно главною под командою генерала фельдмаршала Миниха по ту сторону Днепра к Очакову и Днестру, а другую под командою фельдмаршала Лессия по прежнему в Крыму.

Нужды и недостатки, претерпенные в прошлую компанию, научили главнокомандующих, что они не толко афицерам, но и редовым салдатам дозволили столко телег с собою взять, сколко

по их состоянию возможно было, дабы всем потребным запастись. Хлеба и круп повезено было вдруг при армии на 5 месяцев. По такой предосторожности хотя бы и не должно было опасаться недостатка в пище тем наипаче, что когда праивант с телег весь употреблен был, то салдатам скот на убой раздаван был, однако сие не менее препятствовало походу армии, и для такого множества лошадей и скота надобно было по пропорции и много корму. Правда что поход наш продолжался всё степными и травяными местами, но со всем тем весьма трудно было в одном лагере более как на два дни корму найти, особливо оказалась в том нужда для подъемных лошадей по переходе нашем чрез реку Буг, где неприятель всю траву выжег, а хотя мы местами несколько корму и находили, но для толь великаго множества онаго было весьма недостаточно.

Армия переправилась чрез Днепр в трех местах, а именно при Мишурном Роге*, Власовке** и Орлике***, и все три дивизии соединились на сборном месте при речке Омелнике****. Сперва марши были весьма невелики, потому что полки всеми потребностями и тем, чего в прошлом году лишились, еще совершенно снабдены быть не могли. К тому ж не приведены были все рекруты, кавалерия ожидала лошадей, и немалая часть оныя был бесконная. При артиллерии не доставало также аммуниции и лошадей, проивантской на 5 месяцев запас равномерно еще не весь пришел. Всего сего должно было ожидать в первых двух неделях по вступлении в марш. Хотя оно после помалу и прибыло, но однако рекруты еще не все приведены были, чего ради фельдмаршал взяв от трех полков мушкатеров, разделил их по некомплектным

* Совр. село Мишурин Рог в Днепропетровской области Украины, расположено на правом берегу Днепра, в 50 км юго-восточнее Кременчуга.

** Совр. посёлок городского типа Власовка в Кировоградской области Украины, на левом берегу Днепра, близ Кременчуга.

*** Село Орлик (Старый Орлик) на берегу Днепра, на левом берегу дельты р. Ворскла, было затоплено при создании Каменского водохранилища в 1960-е годы. Теперь поблизости от его прежнего местоположения находится село Орлик Кобеляцкого района Полтавской области.

**** Речка Омельник — правый приток Днепра, в пределах современных Александрійского района Кировоградской области и Каменского района Днепропетровской области Украины. Исток западнее села Братське в Александрійском районе, впадает в Днепр (в Каменское водохранилище) у села Днепровокаменка; протяженность 63 км.

полкам, а штап офицеров тех полков с унтер штапом* и с грано-дерскими ротами оставил [Л. 11] позади, повелев им итти в Самару**, где должныствовали они по получении рекрут и ремонтных лошадей комплектоваться. Приведенные из отдаленных правинций весма в худом состоянии драгунские ремонтные лошади, равно как и артиллерийская упряжка подавали сперва малую надежду к доброму успеху сей компании, но весма небольшие марши, продолжаемые до реки Ингула, где повсюды найден хорошей корм, а при том и то, что татары нам во время марша никаких затруднений не делали, привели лошадей в такое исправное состояние, что опять надежно было иметь хорошей успех, однако по переходе нашем через реку Буг, где принуждены мы были по вызженным степям продолжать свои марши, вся упряжка так вреждена была, что почти вконец раззорилась. Я оставляю марш до Очакова, а упомяну толко о осаде сего города.

Признаюсь, что когда мы, продолжав марш свой три дня по вызженным степям, пришли под Очаков, где все места отравлены были, то едва б кто поверил, что мы сим местом овладеем, о чем чаятельно и сам фельдмаршал сомневался, ибо положение места и бескормица более 8 дней пробывать там не дозволяли, хотя бы и никакая неприятельская армия на сикурс не пришла; а в такое краткое время довольно укрепленный город, каков тогда был Очаков, которой притом достаточно снабден был воинскою и съестною провизиею и к обороне своей имел почти до 30 000 гарнизону, нелегко взять можно. Мне мнилось тогда, что фельдмаршал для одного толко виду предприял сию осаду, и оную скоро опять оставит.

В третей день по прибытии нашем фельдмаршал отправил 5000 человек для делания апрошев*** и для прикрытия сей рабо-

* Унтер-штаб, или подштаб, — орган непосредственного управления повседневной жизнью полка; в него входили все обер-офицерские чины из состава полкового штаба и все унтер-офицерские и нижние чины обслуживающих подразделений.

** Самара — в данном случае имеются в виду Самарский или Усть-Самарский ретраншаменты, построенные весной 1736 г. перед началом Крымского похода близ устья реки Самара, левого притока Днепра. В настоящее время место расположения обоих ретраншаментов находится в черте города Днепропетровск (Днепр).

*** Апроши (ед. ч. апроша, апрошь; воен., устар., от фр. *approche* — сближение) — подступы, узкие продолговатые рвы (траншеи), обычно зигзагообразные, служившие при осадах для безопасного приближения осаждающих к атакуемому фронту крепости или другого укрепления. Позднее стали называться «ходами сообщений».

ты, разделя всю команду на три части, ис которых каждая в наступающую ночь должна была построить по редуту. Бывшему после генерал порутчику Братке* досталось работу произвести с стороны лимана, и спустя час по захождении солнца каждой с своею командою пошел к предписанному ему для работы месту. [Л. 11 об.]

После полуночи фельдмаршал с протчим генералитетом, сев верхом для осмотру работ, нашел, что оныя у первых двух редут изрядно предупевали, но Братки новой работы и команды нигде не нашли и разосланными более 20 человек афицерами чрез целой час сыскать не могли. Напоследок я столь щастлив был, что нашел его на самом гласисе** крепости, турки имели на сей стороне и почти около всей крепости свои огороды, из которых каждой вместо забору окружен был рвом и неболшим валом, чего фельдмаршал чаятельно не знал, а думал, что то линии, позади которых неприятель, доколе в город не вберется, обороняться станет.

Братке, не сыскав ночью назначенного себе места, заблудился з двутысячною своею командою, и попал в сии рвы, из которых стараясь как ни есть выйти, еще болше заблудился, так что наконец на самой гласис крепости вышел, неприятель, знатно, нечто приметил и потому в городе и на валах встревожился, а Братке, боясь вылазки из города, естли крайней тихости наблюдать не будет, приказал всей своей команде прилечь к земле, доколе в крепости опять успокоятся, в котором самом положении я его нашел, и в том оставя, фельдмаршалу рапортовал и самого его туда привел, хотя он за такую Браткову неосторожность и жестоко на него осердился, однако сим нечаянным изобретением изрядно ползовался. Братке так как и прочие две команды должны были тот час назад отступить к фрунту лагеря, и разсуждая, что неприятель на рассвете не оставит учинить выласку, приказал он сим командам немедленно вступить с ним в сражение; а они

* Братке Генрих Николай, фон — инженерный офицер русской службы, генерал-майор с 1737 г.

** Гласис (от фр. *glacis*, лат. *glatia* — покатошь, гладкая длинная отлогость), в европейской фортификации Нового времени — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости, возводившаяся для улучшения условий обстрела впереди лежащей местности, маскировки и защиты крепостных сооружений.

должны были подкрепляемы быть всеми пикетами армии, сии пикеты всеми грандерскими ротами, а последние одним батальоном от каждого полку, и таким образом всем вообще, прогоняя неприятеля, занять пост в последних рвах у самого гласиса, причем и всей полевой артиллерии повелено было немедленно следовать за батальонами. По сему распоряжению все исполнено было благополучно, мы таким образом [Л. 12] подошли под их пушки, которые нам более уже вредить не могли, и наша артиллерия начала тот час действовать по крепости, продолжаясь сие действие около 18 часов, после чего вдруг зделался в крепости жестокой пожар, которой потушить уже способу не было. Главное несчастье турок происходило оттого, что все их дома были деревянные и почти у самых валов весьма тесно один подле другого построенные, почему и ни в которую сторону спасения им не было. Фельтмаршал приметил, что турки с городских валов сходят, и думая, что они то делают для того, чтоб в городе пожар утушить, велел учинить генеральной приступ, которой и произведен был самым делом. На сем приступе с нашей стороны убито и ранено до 2000 человек, и между ранеными из генералитета находились Кейт*, Левендаль и другие. Хотя нашим и не удалось чрез ров перейти, однако намерение свое достиг тем, что неприятеля отвлек от пожара к валам крепости, чрез что пожар, усилившись, дошел и до пороховых погребов, и когда оные взорвало, то уже бедствие осажденных стало быть самое крайнее, и неприятель в несколько часов от огня и от подорвания пороховых погребов потерял более 20000 человек, а и достальные в самом кратком времени того же себе ожидали, чего ради наконец просили капитуляции, но как их не инако как толко в полон принять обещано было, то они и на то согласились, между тем некоторые из неприятелей искали своего спасения на имевшихся с морской стороны судах, но почти все побиты были и в тот же самой час наши войска ворвались в крепость, и таким образом оную овладели. Сколко упамятовать могу, то число пленных немногим

* Кейт Яков Вилимович (Джеймс Френсис Эдвард Кит, англ. *James Francis Edward Keith*; 1696–1758), военный деятель шотландского происхождения, генерал-аншеф русской службы (с 1737 г.), генерал-фельдмаршал прусской службы. Убит в сражении при Гохкирхене (Хохкирхе) 3(14) октября 1758 г.

превосходило 3000 человек, истинно невеликой остаток от 30000 человек, которые в 18 часов все погибли. Сей благополучной случай способствовал к тому, что мы в седмый день по прибытии нашем паки с армией отмаршировать и свежей травы искать могли, оставя всю [Л. 12 об.] тяжелую артиллерию со все ее парком в Очакове, ибо за упадком и худобою лошадей оные с собою повести никак невозможно было, учиненные потом фельдмаршалом движения, состоявшие в том, что с армиею пошел вверх по реке Бугу, а потом, переправясь через оную, следовал опять вниз почти прямо против Очакова, заслуживают ему немалую похвалу, ибо оставленной [почти]* между развалинами и пеплом гарнизон между тем временем починить крепость, внутренность онаго разчистить и снабдить себя всеми потребностями, он же фельдмаршал находился вблизи, чтоб неприятелю, которой, конечно бы, не теряя времени, отважился не толко тревожить гарнизон, но и город до предприятия формальной осады обложить блокадою, отпор учинить и все неприятельския предприятия против оного до наступающаго года учинить недействительными. Все сие не в состоянии бы он был произвести в действо, естли б провиант на всю кампанию при самом выступлении с зборного места не взят был с собою, умедление 3^{мя} и 4^{мя} днями в привозе провианта может при армии, простирающейся свыше 100000 и более человек, произвести такую перемену, которья после ничем поправить уже невозможно. Неболшая так названная флотилия, которая к концу компании пришла по Днепру к Очакову, принесла также превеликую ползу, ибо без оныя весма б трудно было гарнизон снабдить всеми потребностями.

Возвратной с армиею марш наконец необходимо был нужен, хотя она и несколько претерпела в сию компанию, однако по крайней мере, что до людей касается, пришла назад к своим границам гораздо в лучшем состоянии, нежели в прошедшем году, напротив того, урон в подъемных лошадях столь велик был, что к будущему году должно было оными вновь запастись. Я думаю, что взятые Очакова турок научит осторожнее быть, и если впредь окажется новая опасность осады, то они уже всеконечно

* Взято в квадратные скобки в рукописи.

не преминут скрыть валы [Л. 13] и засыпать рвы, коими сады их окружены, а тогда и в шесть недель едва ли можно будет овладеть сею крепостью.

За счастье для нас признавать должно, что лучшие их войска и предводители тогда употреблены были против цесарской армии*, а остаток послан был против нас. Естли бы искусной в военных делах паша был тогда камендантом в Очакове, то б мы при столь многочисленном неприятельском гарнизоне для занятия поста в упомянутых огородах должны были доставать каждой шаг земли с проливанием многой крови, ибо в самом деле огороды сии составляли более пятидесяти разных ретраншаментов, из которых каждой фланкирован и прикрываем был другим.

Я выше объявил, что не чаял, чтоб фельдмаршал сам надеялся сию крепость взять. А сие мое мнение тем больше кажется мне справедливым, что он со всею армиею, кроме оставленного в Александровском редуте при провиантском магазейне прикрытия, туда маршировал и невзирая, что весь корм потравлен и выжжен был, всех лошадей у себя оставил.

Естли смею мысли свои объявить о сей кампании, то я признаю, что я плана онного не понимаю, ибо главным намерением положено было атаковать неприятеля в собственных его границах и, отнимая у него все, что возможно, принудить его тем самым к пристойному миру. Армия наша простиралась свыше 100000 человек, а все, что для осады требовалось, могли бы исправить 40000 человек, и так прочие были излишними. Я думаю, что ежели бы сими 40000 человек предпрята была осада, провиантской магазейн под прикрытием например 10000 человек оставлен был у реки Буга**, а с достальною бы армиею поход продолжаем был вперед к Бендерам, то б мы конечно привели неприятеля в крайнее затруднение и овладели бы Очаковым, а вторая армия у Днестра [Л. 13 об.] и при полских границах чрез все лето тревожила б неприятеля, к осени ж соединилась бы паки с первою, и когда б после намерение принято было в сей части

* Имеются в виду вооружённые силы Габсбургской монархии, Священной Римской империи («Цесарии»), которая являлась союзником России в войне против Турции 1736–1739 гг., но военные действия были неудачны для неё.

** На полях приписка: «На половине от Очакова до польской границы».

Польши между Бендерами и Хотинскою крепостью занять кантонир-квартиры, то б неприятелю никогда на мысль не пришло пойти к Очакову, а еще менее осадить сей город.

По наступлении зимы, когда турок неохотно или и совсем не действует, могли бы мы, переправясь без всякой опасности чрез Днестр, войти корпусом в Молдавию, имея позади себя в Полше свои провиантские и протчие запасные магазейны, а притом в случае нужды прикрытую ретираду, и весною все то сделать, что мы после уже в 1739^м году сделать в состоянии были, а может быть, что нашим удалось бы еще в 1738^м году увидеть берега реки Дуная. Против сего можно бы возразить, что мы не имели права входить в полские границы. На сие иного ответу дать не могу, кроме того, что прошу мне изъяснить, по какому праву мы после в 1739^м году предприяли поход свой чрез Польшу.

Примечания о походе 1738 года

Возвратясь с армиею в прошедшем году в Украину и укомплектовав оную по весне рекрутами и лошадми, а притом заготовя паки магазейн на пять месяцова, предприят был в сем году поход к Днестру. Заняв со всею армиею зимные квартиры в Украине, дали мы неприятелю время лучше приготовится к принятию нашему и к собранию такой армии, которая в состоянии была воспрепятствовать нам в переходе чрез Днестр. В прошедшем году не мог он нам никакого сопротивления учинить, мы переправлялись чрез все реки без всякаго [Л. 14] от него сопротивления, и он столко был безсилен, что и к освобождению Очакова ничего предприят бы не мог, все его поиски состояли в том, что малыми татарскими партиями выжигал в степи траву и тем причинял нам некоторой урон в упряшке; можно легко разсудить, чего бы должно было ожидать от армии, простирающейся свыше 100000 человек, если б оная для чинения над неприятелем поисков разделена была на два или на три корпуса, но как сего не учинено, то необходимо должно было от Украины до самого Днестра маршировать прежде нежели возможно было начать военные свои действия. Из сего следовало, что упряшка наша паки уже разорена была, прежде нежели мы до Днестра дошли, а хотя бы

нам и удалось благополучно перейти чрез сию реку, то однако мы не в состоянии бы были иное что предпринять, как разве крепость взять, гарнизон в оную ввести и оной жребию его оставить, в сумнительном ожидании, возможет ли оной сопротивится неприятелю, потом паки к нашим границам возвратится. Я кроме сего иного думать не могу, ибо армия, которая, как выше упомянуто, свыше ста тысяч простирается, имеет нужду во многом; она* выступает в поход, запасшись провиантом на пять месяцев, притом полагается наперед, что она будет щастлива и зделает некоторые завоевания, а со всем тем не приемлются никакие меры к приобретению себе ползы от сих завоеваний, а хотя бы и все счастливо происходило, то надобно почти 4 месяца, считая со дня выступления из границ, чтоб окончать сей марш, перейти через реку ввиду неприятельском, его самого разбить, осадить крепость и оною овладеть.

Окончив сие, армия иметь будет еще на один месяц запаснаго провианта, что ей тогда делать должно? Если ей засесть в неприятельской земле, то [Л. 14 об.] должно уверенным быть, что она земля при добром распоряжении прокормить ее может или что позади приготовлен уже запасной магазейн и что к подвезению еще болшаго числа провианта приняты уже все потребные меры. Буде же того нет, и нигде не заведено хотя малого, не упоминая о болшом магазейне, то армия с месячным своим провиантом должна спешить домой, чтоб не претерпеть нужды и голоду и на будущий год паки [не]** изнурить себя маршами и контрмаршами.

Мы пришли к Днестру, как выше упомянуто, и лето сие не столь было сухое, как прежде, почему неприятель и не мог выжечь травы, хотя он и несколько раз на то покушался; напротив того, от дождей разсыревшая земля причиняла нам превеликую трудность в марше; испортила почти у нас всех лошадей. Мы стояли толко три дни у Днестра, стреляли одну ночь по укрепленному их лагерю, не причина им никакого вреда, и потом предприняли возвратной свой марш. Накануне прибытия

* На полях приписано: «Всем удовольствуюсь».

** В рукописи частица «не» подчичена, однако по форме и смыслу фразы она, несомненно, должна тут быть.

нашего к Днестру имели мы небольшое сражение с татарами и некоторым числом турецких лехких войск. А 4 или 5 дней спустя по выступлении нашем в возвратной поход было другое такое же сражение.

Того ж дня после нашего отступления от Днестра турки переправили часть своего войска на сию сторону реки, которая, соединясь с татарами, беспрестанно нас тревожила и нападала на нашу ариергардию. Лошади наши от того так мучились, что должно было несколько сот телег с провиантом, также и офицерского богажа при ариергардии жечь, и немалое число артиллерийской аммуниции в землю зарыть, дабы оные неприятелю в добычу не оставить, и так возвратной наш поход чрез первые три недели походил на ретираду разбитой неприятелем армии, первые три дни ариергардиею командовал генерал-поручик Карл Бирон, которой по нетерпеливости своей все жигал, чего скоро [Л. 15] повести было невозможно, почему фельдмаршал и называл его зажигальщиком, генерал порутчик Левендаль сменил его с своею дивизиею и остался до тех пор в ариергардии, доколе неприятель нам провожал. Хотя он и не столько сжег, потому что почти две трети своей дивизии употребил в повозке оставленнаго багажу. Однако совсем миновать того не мог, что части из онаго также не жечь. Легко представить себе можно, сколь трудно было людям, когда дивизия, составляющая ариергардию, чрез целые две недели ни одной ночи с протчею армиею спокойно в лагерь остановится не могла, но тогда толко к лагерю приближалась, когда протчая армия, имев отдохновение, опять в марш вступала, когда ж растагу не было, то она до 7 и более верст оставалась назади от лагеря, наконец пришли мы, ни зделав ничего и разоренными вовсе богажем и лошадьми, к своим границам, помышляя о том, как все потерянное вновь завести и приготовиться на будущий год к такому ж маршу.

Примечание о походе 1739 года

По наступлении весны армия собралась около Киева, ибо наконец увидели, что необходимо маршировать должно чрез Полшу, дабы в четвертые с разореною армиею по осени не воз-

вратится к своим границам. Она запасена была опять всеми потребностями, также и провиантом на 5 месяцев, хотя в том и нужды бы не было, потому что шли мы всё жилыми и весьма плодородными местами, где довольно хлеба достать было можно, а хотя б поставка онаго казне и несколько дороже обошлась, однако сей убыток [Л. 15 об.] должно бы считать весьма невеликим, в сравнении того, чего стоили подъемные лошади и волы для воски магазейна и нужные при том люди, не упоминая о том, коликую остановку сия тягость в походе армии причиняла, сколь трудно было при переправах и переходах чрез реки оную прикрывать, и какое затруднение все сие делало салдату. Не взирая на то ничего вперед запасено не было, да и после, когда армия перешла уже чрез Днестр, разбила неприятеля, взяла Хотин и марш свой в Молдавию продолжала, нимало о том помышляемо не было. Сие, кажется мне, довольно доказывает, что и при самых щастливых действиях и преприятном чрез Полшу походе намерение было к осени опять перейти сто миль и более, а гарнизоны в завоеванных городах оставить на волю Божию.

Таким образом выступили мы от Киева тремя колоннами, из которых одна от другой следовали стороною в разстоянии трех до четырех миль. Провиантской магазейн составлял четвертую колонну и шел позади средней, к такому распоряжению марша понудили нас жилые места, где должно было держатся настоящих дорог, дабы не потоптать и не потравить посеянного на полях хлеба, но при занятии лагерей сей предосторожности наблюдать было невозможно, и мы по большой части становились на посеянных, а наконец и на таких полях, где хлеб почти уже созрел: поляки силно жаловались на причиненные им чрез то убытки и разорения, но обещанное им возвращение их убытков, которое они и получали, паки их успокоило.

В таком порядке пришли мы на разстояние 10^{ти} и 12^{ти} миль от Днестра и Хотина, где армия опять соединилась, и тогда сиею тяжелою машиною подвинулись еще на 5^{ть} и на 6^{ть} миль вперед. Тут фельдмаршал имел [Л. 16] несколько дней отдохновения, а между тем приказав на несколько миль выше Хотина осмотреть берега реки Днестра, получил репорт, что в 6 или 7 милях от Хотина можно предпринять переправу чрез реку. Неприятель, думая, что

мы склоняем поход свой прямо к Хотину или на одну милю выше к Жваницу, собрал там всю свою силу и намерен был так, как в прошлом году, не допустить нас до переправы чрез реку, но фельдмаршал употребил такую воинскую хитрость, что, оставя тут одну дивизию со всем магазейном, артиллерийским парком и тяжелым обозом армии под командою генерала аншефа Румянцова, с достальною армиею, взяв с собою на 10 дней провианта, пошел по правую сторону чрез горы, леса и дефилеи и тремя принужденными маршами прибыл к Днестру. Причем генерал Румянцов, остановившись один день, должен был на другой день также следовать к главной армии.

Мы пришли к Днестру и перешли чрез сию реку прежде, нежели неприятель о том сведал уже целые сутки после того, как армия уже переправилась и поджидала к себе генерала Румянцова. Показался неприятельской корпус в 20000 человек и напал на наших фуражиров, однако командированным при них прикрытием и подоспевшим из лагеря сикурсом прогнан был назад, не причинив нам ни малого вреда, кроме самого малого числа при перестреливании убитых.

По приходе нашем к Днестру река от бывшей засухи сделалась так мелководною, что драгуны и казаки вброд чрез оную перешли, причем на казачьих лошадях перевезено было [также]* несколько рот гранодеров, кои заняв [Л. 17] тот час пост, зделали мостовые шанцы, и по наведении трех мостов все армия на другой день чрез реку перешла.

Река в том месте шириною была около 60 сажен, она же притом чрезвычайно быстра, почему и три дни спустя после продолжавшегося чрез несколько часов силнаго дождя прибылою оттого в реке водою все мосты в одну ночь разорвало, так что с великим трудом оные опять собрать и для перехода генерала Румянцова поправить было можно.

По собрании паки в одно место армии фельдмаршал, сняв лагерь, маршировал прямо к неприятелю и Хотину. Должны мы были на сем марше несколько проходить горами, лесами и низкими болотистыми местами, что причиняло нам немалое затруднение, потому что неприятель везде показывался и у каждой

* Слово взято в скобки в рукописи.

переправы старался нас остановить, почему надлежало нам наперед его збить, а потом уже далее маршировать могли; оставя все бывшие при том обстоятельства, упомяну я толко, что мы наконец при Шавартане* застали турков, которые на горе поперек Хотинской дороги пятью или шестью ретраншаментом окопались, а между тем татары во 100 000 и более нас окружили и все горы заняли. Около дву часов пополудни фельдмаршал обозрел все положение неприятельское, нашел, что естли его во фрунте атаковать, то бес превеликаго урону людей ретраншаamenta его почти взять невозможно. Напротив того, гораздо надежнее будет, если предприть атаку на левом его фланге, но дабы неприятель не возымел о том какого подозрения, то он не толко остановился прямо против неприятеля и казакам накрепко подтвердил, чтоб в ту сторону не подвигатся, но и в следующую ночь генерал Левендаль [Л. 17] должен был с полевою артиллериею под прикрытием 4^x полков занять пригорок против неприятельскаго лагеря и по оному как из пушек, так из мортир стрелять, продолжая оную стрельбу до самага полудня, хотя и ни единая бомба, ниже пушечное ядро при самой болшой элевации до неприятельскаго ретраншаamenta не доставало. Около полудня фельдмаршал со всем кареем, которой внутри обозом, провиантом и артиллериею так стеснен и набит был, что едва яблоко на землю пасть могло, вступил в марш к левому неприятельскому флангу, и в то же время генералу Левендалю приказано было отступить назад и примкнуться к левому флангу карея. Как неприятель сие приметил, то хотел он и с той стороны зделать против нас батареи, но уже поздно было. Фельдмаршал должен был переправляться чрез небольшую болотистую речку, чрез которую в четверть часа ис привезенных с собою досок зделаны были 22 моста, по которым из передняго фаса перешли во первых 4 полка с полевою артиллериею, по другую сторону речки была хотя невысокая, но весьма крутая гора, однако сие не мешало салдатом с веселым криком встачить на оную пушки, которые того же часа дейст-

* Имеется в виду известное село Ставучаны (Ставчаны), ныне в Черновицкой области Украины, в 12 км к юго-западу от Хотина. Во время русско-турецкой войны 17 (28) августа 1739 г. при нём произошло решающее сражение той кампании, закончившееся победой русской армии.

зовать начали, не давая неприятелю заводимую им против нас батарею в состояние привести. Между тем весь каре [с] запертым в нем обозом приближался помалу к неприятелю, которой наконец с 3000 янычаров учинил из ретраншаменты выласку на передние наши полки, но как оные с уроном 100 человек и более назад прогнаны были, то он зажег свой лагерь и обратился в бегство, а татары остались еще на горах около нас, и не прежде как в следующую ночь отступили. [Л. 17 об.]

О сей так названной баталии, которая произвела столь важные по себе следствия, должен я кратко объявить свое мнение, не понимаю я по сей час, для чего фельдмаршал весь магазейн, артиллерийской парк и тяжелый обоз в карее с собою вез и для чего он всего сего в укрепленном ретраншаменте по сю сторону Днестра до тех пор не оставил, доколе б удалось неприятеля разбить и по одержанной победе взять город Хотин.

Может быть сей случай первой в свете, что полководец, будучи в состоянии наступательно действовать, и действуя подлинно таким образом, предпринял с кареем, наполненным внутри обозом, атаковать ретраншамент и разбить неприятеля. В самом деле фельдмаршал более шести полков из своей армии употреблять не мог, не подвергая себя опасности, чтоб сделанную в карее прорехою не потерять свой обоз и магазейн. А шестью полками не берут ретраншаменты, занятого, по крайней мере, 60000 человеками и прикрываемого вокруг 100000 человек легких войск. Удивительно, что все столь благополучно удалось в такое время, когда должно было опасатся потерянныя всей армии: может быть такого поиску никто и с толикою опасностью паки предпринять не отважится, а хотя бы кто отважился, то сомневаюсь, чтоб благополучным успехом хвалится в состоянии мог быть.

Следствия сей победы известны, мы взяли Хотин. Мы не видали более пред собою неприятеля и прошли до самой Волоской земли*, которая тот час российскому скипетру подверглась;

* Волоская земля — в данном случае имеется в виду княжество Молдавия. В начале XVIII в. в русском языке Волоской (Волошской) землей, иначе Волосщиной, называлась Молдавия, тогда как княжество Валахия (Мунтения, Цара Ромыняскэ) именовалась Мунтянской (Мулянской) землей, Мунтянщиной, Мулянщиной. Уже ко второй половине XVIII в. слово «волошский» стало использоваться преимущественно применительно к Валахии.

4 полка, которые тамошние жители провиантом снабдить обязались, назначены были для содержания гарнизону в малоукрепленном городе Ясах [Л. 18]; 6 полков положено было оставить в Хотинской крепости, довольствуя их провиантом из найденного там неприятельского магазейна, а протчая армия должна была назад следовать в Украину. Подъемные наши лошади, хотя и много претерпели, однако не столко, как в прежних походах. Артиллерия в сем году была в лучшем состоянии, потому что на оную дано было больше подъемных и запасных лошадей. Мяса салдаты наши также имели предовольно, почему были и бодры, и здоровы.

Между тем воспоследовал мир, и зделал всему конец. Мы должны были из вышепомянутых мест вывести свои гарнизоны и итти домой в конце ноября, когда по Днестру шол весма сильной лед, принуждена была армия при непреодолимых почти трудностях переправляться назад через реку; мостов делать было невозможно, да и артиллерии инако перевести нельзя было, как переталкивая по дну речному, состоящему из глаткаго плитного камня. Сколь быстро течет сия река, можно из того заключить, что ни единая 18^{ти} фунтовая пушка не вышла порядочно из воды, но вокруг опрокинута была, и колеса кверху стояли, да и то 20^{тью} или 30^{тью} саженьями ниже того места, где спущена была в воду. Сия переправа, которая в трех местах происходила, смучила и повредила у нас много людей. [Л. 18 об.]

* * *

Таким образом представил я верное описание прошедшей турецкой войны. Во время оной имел я щастие служить адъютантом при великом человеке, а именно при графе Левендале. От прозорливых его глас, обыкших с молодых лет все прилежно примечать, не могло ничто укрыться; подражая ему, научился и [я] со вниманием смотреть на каждое предприятие и из того в пользу себе и в осторожность на будущее время делать заключения. В 1717 и 1718 годах служил он на войне [в] Венгрии против турков* гранодерским капитаном и адъютантом при цесарском

* Имеется в виду война 1716–1718 гг. между Габсбургской монархией и Османской империей, закончившаяся победой Австрии и Пожаревацким мирным договором.

генерале графе Секендорфе*. Знал он совершенно, как турки с неприятелями своими сражаются, как выигранными баталиями ползуютца, а после потерянных скоропостижно отступают или, лучше сказать, без всякаго порядка в бег обращаются, оставляя победителю всю свою артиллерию, лагерь и обозы. Однако он при том признавал, что бывшие против нас турки совсем не походили на тех храбрых и отчасти страшных турков, которых он в Венгрии видел, и что там иное предприятие весма бы худо удалось, которое здесь не толко без урону, но еще с выигрышем, славою и похвалою в действо произведено. Естли мне позволено будет по слабому моему разсуждению предложить некоторыя примечания о образе жития сего народа, его положении против наших границ, о военном его обряде, крепостях и артиллерии и ис того делать заключения, каким образом против его действовать и от места до места вперед к нему подвигаться должно, то оные состоят в следующем:

1°. Исключая татар, которых к туркам причислять не должно, сей последней народ по большой части состоит из людей изряднаго росту и крепкаго сложения. Одежда их придает им почтенный вид. Привыкая с молодых лет к движениям, столь они лехки на ногах, что от турка весма много ожидать можно. [Л. 19]

2°. Обитаемые ими земли, лежащие под теплым климатом, доставляют им все, что не толко требуется к нуждам человеческой жизни, но и самого сластолюбиваго человека удовлетворять может; они потому приобыкли к доволному во всем содержанию, в котором и во время походов против неприятеля нужды терпеть не должны. Естли не доставать будет хотя малаго чего, то их полководцы ежечасно опасатся должны возмущения и потому принуждены обходится с ними весма осторожно. Из сего следовало бы, что народ, приобыкшей к роскошной жизни, соответствующей правилам их Закона, не может быть столь храбрым, однако сие в самом деле ложно, ибо:

3°. Не может никакой народ храбрее и военнее быть турков. Они не толко безстрашно, но почти с неистовством идут на сра-

* Секендорф Фридрих Генрих (нем. *Friedrich Heinrich von Seckendorff*; 1673–1763), имперский граф, австрийский военачальник и дипломат, генерал-фельдмаршал Австрии и Баварии.

жение, и наступающий при беспрестанном прыгании турок в состоянии устрашить всякаго в войне не довольно искусеннаго молодого человека. Их пехота, между которою янычары первыми щисляютца, употребляет долгиа винтовки, которыми они на 300 и до 400 шагов стреляют и попадают, саблю, которою они, может быть, лучше всякаго другаго народа действовать умеют, большой нож длиною от 10^{ти} до 12^{ти} вершков, а шириною в три палца, и небольшой кинжал. Из сего следует, что понеже ружье наше так далеко не берет, то должно против их употребить тем большее число артиллерии. Турок, будучи на открытом поле, более двух или трех раз из янычарки своей не выстрелит, и ни единаго промаху не зделает, а потом уже с обнаженною саблею в яростном и отчаянном виде бежит против неприятеля своего. Когда же ему случится сидеть за окопом, кустарником, в лесном или гористом месте, то он нескоро оттуда выходит, а между тем наступающему на него неприятелю янычаркою своею великий вред приключает. От таковых весьма стремителных и яростных нападений лучше оборонится не можно, как рогатками. Цесарская пехота против турецкой [Л. 19 об.] редко устоять могла, читая описания о бывших войнах между ими и цесарцами, нетрудно о сем удостовериться. Конница их легка, и кони у них всё хорошие. Ездок, владея совершенно своею лошадью, в состоянии на самом сильнейшем скаку поворачивать оную по изволению своему в ту или в другую сторону, и трудно другой кавалерии против нея устоять, естли плотно сомкнуто не будет. Напротив того, сия турецкая конница никогда не страшна, когда против оныя выведена будет регулярная и плотно сомкнувшаяся кавалерия. Цесарские кирасиры не толко выдерживали всегда нападения от турецкой конницы, но и во многих случаях збивали с места турецкую пехоту и тем способствовали к одержанию победы. Из сего явствует, сколь нужно иметь против сего неприятеля, у котораго как в пехоте, так и в коннице находится множество кольчюжников, добрую и довольно обученную конницу.

Армии их обыкновенно весьма многочисленны. Зимую они неохотно служат, почему и главный их предводитель всемерно старается должен, чтоб предписанныя ему военныя действия окончать по крайней мере в сентябре месяце, в яростном случае [так в руко-

писи. — *В. К.*] все разбредутся, и он прежде будущего мая месяца их опять не увидит. Когда ж и удастся побить своего неприятеля, то они победами своими изрядно ползоваться умеют. Разбитой неприятель побегом от них не спасется, но всемерно погибнет. Но когда оный может занять выгодное положение, в котором, без болшого урону, паки атаковать его невозможно, то они редко отваживаются на другое сражение. Когда же турок разбит будет, то он лишается всей своей артиллерии, лагеря, полоток, обозу и всего, что при себе ни имел, ибо гордяся храбростию своею, всегда признавает себя будущим победителем, и потому все при себе держит, не покидая назади ничего из своего обозу. Напротив чего он после потерянной баталии в крайнем беспорядке бежит к своим границам, и уже прежде опять не покажется, [*Л. 20*] как в будущем году. Для прикрытия себя от незапного нападения, когда неприятель находится в близости, каждой турок, вступив толко в лагерь, выкапывает для себя пред фрунтом яму глубиною в полчеловека, где будучи прикрыт, в следующую ночь ис тех ям делают ров и вал, и таким образом на другой день ретраншамент их совсем готов. Подобно сему делают они и траншеи свои под крепостью и в сей работе весьма скоро предупревают.

4°. Артиллерия их до сего времени была не весьма исправна, так как и пушкари их не весьма проворныи. Хотя они и возили с собою множество весьма тяжелых орудий, в том числе тридцати шести и сорока осми фунтовых пушки невероятной почти величины и тяжести, однако оные, для самой всей притчины, им немного помогали. Пушечные их станки и колеса по болшой части сходствуют с корабельными, и артиллерийские их служители не имеют ни малого знания и искусства, как при начале баталии пушка поставлена, так она и до самого окончания действует. О скорострелной палбе они 20^м лет тому назад почти ничего не знали, но естли газетам верить можно, то она ныне учреждена на хорошем основании и равномерно производится малокалиберными и лехко подвигаемыми пушками. Нынешние их артиллерийские служители также искуснее прежних. Из всего сего заключить можно, сколь нужно отправить против сего неприятеля многочисленную и со всяким проворством управляемую лехкую полевую артиллерию. При таком распоряжении уповаю я, что

наша артиллерия всегда верх одержит и к получению победы над неприятелем немало способствовать будет.

5°. Города их Очаков и Хотин довольно укреплены и могли бы долго обороняться, если бы внутреннее строение соответствовало правилам строения крепостей. Но как обыватели и гарнизоны обыкновенно бывают у них многочисленны, а дома построены толко об одном жильё и то почти всё из дерева, то нетрудно себе представить, [*Л. 20 об.*] что в их крепостях почти и самые валы застроены. И так сколь велико не долженствует быть бедствие гарнизона, когда толко несколько домов начнут гореть, а места нет, куда б можно было спасти от огня свои пожитки, когда за теснотою не можно употребить надлежащих способов к потушению пожара, и когда ни жители, ни гарнизон и на самых городских валах от огня укрыться не могут. При таком умножении пожара натурально следует, что наконец и пороховые магазейны на воздух полетят; гарнизон истребится, а достальным избавившимся от такого бедствия к продолжению обороны ни материалов, ни амуниции не останется. Здесь паки находим мы причину, для чего к предприятию осад их крепостей должно иметь немалое число мортир, единорогов и гоубиц. Они при таковых осадах гораздо полезнее пушек, которые напротив того полезное свое действие оказывают при баталиях.

6°. Положение российских и турецких границ такое, что если война производима не будет чрез Польшу, и в самой Полше, то она всегда будет вредителна для наступающей стороны, однако еще вредителнее для России, нежели для турков. Умалчивая о местах, лежащих между Днестром и Дунаем, упомяну я толко о расстоянии от Днепра до Днестра. Еще немного лет тому назад вся страна между сими двумя большими реками составляла одну толко необитаемую людьми степь, никто там земли не пахал, да и лесу на строение доставать было трудно: следственно, наступающая сторона должна была с раззорением своей армии и своих подданных возить с собою все, что потребно было для пяти или шестимесячной компании. Когда и удавалось России делать завоевания, то однако оныя деланы были в ненаселенной земле, и должно было сии места либо паки покидать, либо с превеликим убытком [*Л. 21*] из-за собственных своих границ

всеми потребностями снабждать. Турки при таком положении имеют перед нами еще некоторую выгоду, ибо они, претерпев те же убытки, которые мы понести должны, чтоб к ним притти, придут в плодородную и жителями населенную землю, то есть в Малороссию, где они найдут для себя всякое довольство. Вместо того мы, перешед через Днестр, придем к белгородским татарам, которые хотя также домами живут, но пропитание свое больше имеют от скотоводства и содержания лошадей, нежели от земледелия, где часто недостаток бывает в хлебе и где в расположении по зимним квартирам армии и думать не можно, разве подвергнуть себя страху, что люди поодиночке истреблены будут неприятелем; должно нам непременно перейти чрез Днестр, естли у турков что отнять хотим, а для быстрого течения сея реки чрез оную переправляться весьма трудно. Берега ея от самого Хотина до устья, которым впала она в Черное море, высоки и круты; почему и небольшой корпус, имеющий при себе довольно число артиллерии, может легко воспретить переход чрез сию реку; но повыше Хотина, имея при себе довольно артиллерии, можно уже предпринять переправу. Все сие доказывает, что Россия войну с турками толко тогда с ползою вести может, когда она предпрята будет чрез Польшу и когда поляки будут нам союзниками и помощниками, а хотя бы сии последние и оказали себя несклонными к России, то война правда будет труднее; но я не думаю, чтоб по сей притчине могла быть злополучною для России, а напротив того может быть вдвое славнее.

Из всего вышеписанного видно, что я здесь говорю не о оборонительной, но о наступательной войне. По моему мнению, оборонительная война против турок и поляков должна быть вредительна России, по крайней мере множество российских подданных могут сделаться безщастными. Возьмем [Л. 21 об.] в разсуждение положение российских границ, начав от Риги и следуя по Двине и по Днепру до реки Буга; пойдем от Днепра далее к Азовскому, а оттуда к Каспийскому морю. Везде граничим мы с поляками, турками и разными под защитою Отоманской Порты состоящими татарскими народами. Когда притом разсудим многочисленныя их войска, образ их жития, порядок войны и незапные [так] от них набеги, то найдется, что на таком превеликом разстоянии

никоим образом невозможно подданных своих, особливо по границе живущих, защитить от порабощения и страшной неволи.

Хотя польской народ, взяв каждого поляка особливо, назваться может храбрым, но все вместе и в один корпус соединенные нимало не страшны, потому что, прелщаясь мнимою вольностью, всякой желает быть повелителем, а никто подчиненным и исполнителем даваемых повелений. От сего происходит, что они в случае на них нападения не в состоянии сопротивления делать; буде же оборонительно с ними воевать, то все наступать будут на отходящего от них неприятеля, и тогда всякой, не щадя жизни и всего своего имения, ищет показать себя достойным полководцем; что паки доказывает, сколь опасно оставатся в пределах одной обороны и что, напротив того, поляк, когда Россия против турков наступательно действовать будет, останется спокойным зрителем, доколе жребий обоих между собою неприятельских армий баталиею не решится. Когда славное российское оружие верх одержит, то поляки либо тот час к нам пристанут, а турки получат нового себе неприятеля, либо они останутся без действия, и повеления наши исполнять будет [sic]. Когда же противное тому приключится, то вся разность состоять будет толко в том, что поляки несколькими месяцами позже объявят себя неприятелями России, нежели б они то при оборонительной войне учинили, а Россия между сим временем может принять свои меры к дальнейшей своей безопасности и обороне. [Л. 22]

Положив наперед, что должно быть наступательной войне, спрашивается, как оную с наилучшим успехом производить можно? Признаюсь, что предпринимая отвечать на сей вопрос, я далеко отваживаюсь, однако не думаю я, чтоб то было преступление открыть свои мысли и предать оные на рассмотрение знатнейшим и прозорливейшим особам. Для обстоятельнейшаго объяснения сих моих мыслей, начну я от Каспийского моря и упователно не ошибусь в моей догадке, что кои от оногo моря до Азовского с нами граничат, ничего не предпримут, когда нам удастся крымских татар запереть в их полуострове, не допуская никаких поисков против Украины, а сие нетрудно будет исполнить, когда по границе от Конских вод и по реке Берды* 10^{тв} или

* На полях написано другим, неписарским почерком: «До Азовского моря».

12^{тв} полных баталионов и до 20000 человек калмыков, расположенным в ретраншаментях и редутах, кои взаимным между собою подкреплением неприятеля не перепустят, а в удобное время года и в Крыму набеги делать могут. Граница сия не далее 150 верст простираетца, следственно и гораздо легче оную защищать, нежели разстояния по старой линии от Днепра до самого Дону. По моему мнению можно на то употребить часть тех войск, кои в крепостях старой линии гарнизоны содержат, а самую малую часть оставить при старой линии, прибавляя к тем ротам полка три пехоты, и довольствоваться провиантом и фуражем из Украины, а притом собранными же с Украины людьми делать им всякое вспомошествование в нужнейшем строении, дабы они и зимою свои кантонир-квартиры тут иметь могли. Река Днепр по полской границе, начав от Крылова до старой линии, может также прикрыта быть от набегов белгородских татар и придаваемых им для подкрепления турецких лехких войск, естли например 30000 человек регулярных солдат (я разумею здесь одних гарнодеров [так], мушкетеров [*Л. 22 об.*] и кавалеристов, в строю стоящих) и около 10000 человек нерегулярных войск содержаны будут здесь вместо обсервационного корпуса, которой учреждать может свои движения, смотря по военным действиям находящейся в Полше главной армии, о чем ниже сего мнение свое обстоятельнее предложить не примину.

Теперь обращаюсь я к главной армии в Полше, оная, когда приблизится к неприятелю, чтоб с ним дать баталию, должна состоять по крайней мере в 60000 регулярных салдат и в нескольких тысячах нерегулярных войск, сверх которых надлежит еще положить тысяч пятнатцать, которые в крепостях при магазейнах, для препровождения к армии транспортов и для болезней назади оставлены будут.

За древнее и бесчисленными примерами испытанное правило приемлется, чтоб, не давая себя упредить неприятелем, должно самого его предупреждать. Нынешней король пруской во все время своего владения еще в последнюю войну занятием саксонских земель преизрядно ползовался сим правилом. Мне кажется, что при нынешних обстоятельствах Россия поляков от перваго до последняго не меньше признавать должна за своих неприятелей,

как и самих турков, а может быть и больше, разность толко та, что вельможи их еще неявно открылись и толко малыми людьми заводят беспокойства и конфедерации, уподобляя их разбойникам, которых со временем можно будет усмирить, а в самом деле тайно пригласить турков себе на помощь, и довели их до мирного разрыва с Россиею, ожидая удобного времени, дабы и самим вдруг принять оружие против России. Естли сия мысль моя признана будет справедливою, то и вышеписанным правилом ползоваться должно без всякаго потеряния времени, принуждая поляков силою, чтоб они объявили себя стороны России и ей вспомоществовали, то есть чтоб они российскую армию, которую они сами для восстановления у себя спокойствия [Л. 23] от гарантирующей Российской державы истребовали, всеми потребностями, то есть провиантом, фуражем и денгами снабдевали, также и войска свои к российским присоединили. По состоянию Полши никогда до сего довести невозможно будет, естли король сам к тому не приступит, естли с российской стороны не наложена будет контрибуция на всю Польшу и не займутся тотчас российскими войсками все укрепленные места и не удержаны или по крайней мере всячески воспрепятствованы не будут на первой случай, турки в Полшу вступят, как все то король пруской в последнюю войну с Саксониею учинил*.

Все сие, естли ожидать успеху, должно делать в одно время, почему необходимо нужно, предупредя турков, немедленно занять Каменец-Подольской; стоящую в разстоянии одной мили оттуда сильную крепость, Окуп называемую, и село Черной Козенец, в котором епископ Каменецкой обыкновенно пребывание свое имеет. Сие последнее место хотя толко село, в трех милях от Каменца стоящее, однако почти со всех сторон окружено рекою с мотрицею, исключая толко самой малой проход, и можно с небольшим трудом зделать его столь же крепким, как и самой Каменец. Епископ, владеющий сим местом, родной брат конфедерационному маршалу Красинскому. Окуп стоит в одной миле от Хотина на здешнем берегу Днестра и еще крепче Каменца. Сии места должно снабдить всеми потребностями к обороне,

* Имеется в виду превентивное вторжение армии короля Пруссии Фридриха II в Саксонию в августе 1756 г., ставшее началом Семилетней войны.

заводя притом в оных магазейны с провиантом и фуражом, для всей армии на будущую кампанию. Я полагаю наперед и, как думаю, не ошибаюсь, что турки ныне и допред будущей весны болшаго числа войска на Днестре иметь не могут, разве толко несколько тысяч белгородских татар, липканцов из самых последних их военных людей [Л. 23 об.], следовательно находящейся ныне в Полше корпус российской армии один в состоянии бы был сие исполнить. Естли бы после вверх по Днестру удастся захватить места Бузовцы, принадлежащее Потоцкой фамилии, Яславицы, принадлежащее королю, также Грудец и Студенцы ниже Хотина, то можно туркам в переходе через Днестр сделать превеликое затруднение. Все сии места, хотя не укреплены, однако имеют крепкие замки, на горах стоящие. Я думаю, что находящейся ныне в Полше корпус способом сих крепостей и замков не толко против обретающихся ныне в Молдавии турков устоять, но и в генваре или в начале февраля на Хотинскую крепость нечаянное нападение учинить может. Под таким прикрытием от крепостей и замков нетрудно будет безопасно расположить по квартирам корпус войска, простирающийся, например, до 30000 человек, которые в нужном случае чрез несколько часов собраться и всем неприятельским партиям отпор учинить могут.

Когда я таким образом полагаю, что турецкие войска прежде конца мая около Хотина или на Днестре собраться не могут, и нападение на Хотинскую крепость либо предпринято не будет, либо не удастся, (хотя и вообразить себе не могу, чтоб оно не удалось, естли толко употребляемый к атаке корпус снабден будет довольным числом мартир, гоубицов и единорогов для причинения в городе пожара), то около того же времени назначенные к главной армии полки могут также приблизиться и воспретить туркам переход через Днестр, особливо кагда в то же время обсервационной корпус под команду графа Румянцова, переправясь через Днепр, внутрь полских границ подвинется к реке Ингулу, а может быть и далее к самому Бугу. [Л. 24]

Когда в то же время полякам приказано будет свозить провиант и фураж в учреждаемые между Царь городом и новым Конец Полским небольшие магазейны и турки из того примут подозрение, что сей корпус должен идти к Бендерам, то они принуждены

будут разделить свою силу и оставить то намерение, чтоб чрез Днестр перейти и наступательно против нас действовать, а тем самым главная наша армия приведена будет в состояние отвратить переход чрез Днестр, а может быть и самым делом исполнить. Когда щастие в том нам послужит, то всемерно страх овладеет неприятельскими душами, которые столь много лет в покое жили, и можно от такого предприятия надеяться превеликой пользы. Первое дело состоялось бы в том, чтоб под Хотиным дать с ними баталию, армия имеючи свои магазейны в крепостях и замках по Днестру, не имела бы нужды так как в 1739 году с кареем, наполненным обозами, идти к неприятелю, но могла бы все свои маневры гораздо свободнее делать и тем надежнее, нежели тогда, обещать себе победу. Когда при помощи и благословении Всевышнего в том успех будет, то турки конечно поворотятся назад к Дунаю; город Хотин чрез несколько дней будет наш и можно будет еще больших авантажей надеяться. А хотя и положить, что турки с многочисленною силою перейдут через Днестр и на баталию с нами отважатся, то однако наша армия, будучи прикрываема занятыми полскими крепостями и замками, тем меньше подвержена будет опасности; и хотя бы, отчего Боже сохрани, и случилось нам потерять баталию, то покуда неприятель упражняться будет брать крепости и замки, которых за собою оставить не посмеет, то армия может назад отступить к корпусу графа Румянцова, а он ей навстречу пойти, и таким образом [Л. 24 об.] неприятелю паки противу положить немалую армию, которая дальнейшие его успехи остановит, и время доставить, чтоб при границах сделать новые распоряжения.

Ответствовав на возражение, которому в самом деле никогда быть не чаю, возвращаюсь опять на прежнее и уповаю, что мы побьем турков и возьмем Хотин. Что тогда далее предпринимать должно? По моему разсуждению надлежит тогда неприятеля несколько дней преследовать легкими войсками, а потом оборотится к Бендерам, ибо, поставляя поляков злейшими себе неприятелями и не давая себя им в обман, должно овладеть всем Днестром. Тут корпус генерала Румянцова расположением своим подаст паки великую помощь. Он отправлять будет к Днестру провиант навстречу марширующей по ту сторону армии и будет дер-

жать Очаковской гарнизон и белгородских или буджацких татар в страхе, принуждая их больше думать о собственной обороне, нежели о подании сикурса бендерскому гарнизону.

Город Бендеры яко худо укрепленное место, и к укреплению которого швецкий король Карл XII во время тамошнего своего пребывания первый случай подал, долго держатся не может, но чрез несколько дней принужден будет сдаться. Если мне заключение делать из того, как турки воевать обькли, а именно что они после потеряния баталии под Хотиным беспорядочным и скоропостижным побегом обратились назад к Дунаю, то во всей армии нужды не будет под Бендерами, и можно тогда десять тысяч или двенадцать тысяч человек з болшою половиною легких войск отправить на устье Днестра к Белу Городу*. Сие место нимало не укреплено и толко потому известно, что Белгородской хан имеет там свое пребывание**. Сим татарам чрез то поставитца нож на горло, и они для спасения своего [Л. 25] охотно подвергнутся российскому скипетру, а каким образом и на каких кондициях их тогда принять должно, оставляю я решить искреннейшим в политике. Одним словом, победоносная российская армия может тогда ползоваться всею рекою Днестром и, смотря на то, учреждать дальнейшие свои военные действия.

При сем предприятии корпус графа Румянцова паки оказывать может важные услуги: он должен правянт туда отправлять и транспорты прикрывать, а сколь скоро мы всем Днестром овладеем, поворотится сам к Очакову. Не предвижу я основательной притчины, для чего б сей город, не имея никакой надежды к получению сикурса, хотел отчаянную оборону предпочесть доброй капитуляции. Мультиянцы***, видя столь благополучные наши успехи, не преминут сами предстать и просить о Высочайшем Ея Императорского Величества покровительстве. Я признаюсь,

* Белгород, или Аккерман (тур. ист. *Akkerman*, рум. *Cetatea Albă*), совр. Белгород Днестровский, в то время османская крепость на берегу Днестровского лимана.

** Речь идет о Буджацкой, или Белгородской, татарской орде, находившейся в подчинении у Крымского хана. Отдельного «Белгородского хана» не существовало; правителем орды традиционно являлся сераскер-султан из числа близких родственников правящего хана из дома Гиреев. В данном случае, по всей видимости, имеется в виду село Хан-Кышла (дословно «ханское зимовье», совр. село Удобное Белгород-Днестровского района Одесской области), которое было, наряду с Ковшаном (Каушанами), одной из резиденций крымского хана в Буджаке.

*** Мультиянцы — жители Мултении (Мунтении), т.е. княжества Валахия.

что сей план для одной компании зделан надмеру обширным, но при благословении Божиим, при добрых распорятках, при неутрудимом усердии и при свойственной российскому народу геройской храбрости не толко все трудности могут быть преодолены, но и благополучнейшаго окончания ожидать должно. Распределение наилучшим образом армии по обоим берегам Днестра и обещаемая новопокорившимся подданным защита останутся тогда предметом упражнений главнокомандующаго, и когда все сие учреждено будет, то можно тогда сочинять план для наступающей компании или заключить [Л. 25 об.] славный мир, причем поляки яко зачинатели войны должны непременно нести все убытки.

Из рассуждений моих о прежней войне и о мерах, предприемлемых при нынешней, уповаю, позволено мне будет произвести ниже следующие правила:

1°. Должно назначить такое число войска для главной армии, чтоб она в состоянии была неприятельской, которая будущею весною, по крайней мере, в 200000 в поле выйдет, учинить отпор, дать с нею баталию и в ее глазах делать завоевания.

2°. Чтоб она, будучи числом людей меньше, снабдена была доволною артиллериею, тяжелою конницею и рогатками, которые б награждали то, чего недоставать будет в числе людей, дабы получить те же успехи, какие сии предосторожности во всякое время против турков производили.

3°. Учреждать марши свои таким образом и, остановясь лагерем, занимать такие положения, чтоб фланги всегда были прикрыты, а тылом, где возможно, стать к реке или к болоту, имея перед фрунтом рогатки. Естли неприятелю сему при великом его числе удастся однажды застать или встретить армию нашу на чистом поле, то он много выиграет, и армия наша подвержена будет превеликой опасности; может быть мне вопреки скажут, что мы в прошедшую войну маршировали чрез степи и закрывали себя кареем, но здесь в разсуждение принять должно, что мы ныне иметь будем против себя совсем иных турков, нежели каких мы тогда видели.

4°. Я еще повторяю надобность в рогатках, как для безопасности и покоя салдат во время их пребывания в лагере, так как

и в случае баталии; ибо я почти уверен, что турки дождутся не будут, чтоб мы к ним пришли и дали с ними баталию, но сами к нам придут и нас нехотя к тому принудят, а тогда оные рогатки необходимо нужны будут и принесут несказанную пользу. [Л. 26]

5°. Обсервационной корпус должен также иметь определенную свою пропорцию в сравнении с главною армиею и потом, учреждая военные свои действия, закрывая у нея тыл и соединяясь с оною в нужном случае, чего ради оный корпус равномерно снабден быть имеет всем тем, чего требуется для главной армии.

6°. Сей же обсервационный корпус взаимно находить должен свою безопасность на границах, а для сего обстоятельства приемлю смелость предложить, не полезно ли будет, из оставляемых назади от полков рот посредством рекрут второй поставки, которых конечно с 20000 человек наберется, формировать полки и батальоны прикрытия оными границ по Днепру, когда обсервационный корпус вперед к Бугу подвинется; почему и их снабдить должно артиллерию и протчими для полевой службы потребностями.

7°. С осторожностью выбирать места для заведения магазинов, дабы оные поляками, турками и татарами сожжены и истреблены быть не могли, и чтоб правиант оттуда подвозим был к армии без великой опасности, ибо многолюдство неприятелей и множественное число лехких их войск требует чрезвычайных предосторожностей. Главные запасные магазины должны всегда быть в крепостях, невзирая на их силу или слабость. Буде они недовольно сильны, то должно их тот час починить и больше укрепить, притом я гораздо за надежнее почитаю употребить к тому крепости, зависящие от короля и республики, нежели принадлежащие полским велможам, которые везде срывать должно до основания, употребляя к тому собственных их крестьян. [Л. 26 об.]

ОР РГБ. Ф. 222 (Панины). Карт. 13. Ед. хр. 1.
Л. 4–26 об. Подлинник. Рукопись чернилами,
писарским подчерком XVIII в. Без подписи.